XI
II/93
10 II 58
КР 2008
23297
XI
Проверено 1982 г.

ВЯТСКАЯ СТАРИНА.

I.

Татары въ исторіи Вятскаго края.

Въ 1391 г., успокоивъ себя совершенно со стороны Москвы, Тохтамышъ всею силою своею обрушился на Болгарское царство, окончательно и навсегда разгромивъ его. Въ тоже время онъ послалъ царевича Бектута на Вятку, которая, вѣроятно, мало подчинялась татарамъ и даже высылала на Волгу смѣлыя шайки ушкуйниковъ, не задумывавшихся нападать и на самый Сарай. Бектутъ съ обычною жестокостью исполнилъ суровое повелѣніе: «взя Вятку, а люди посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе». Но уже въ то или слѣдующее лѣто вятчане отмстили татарамъ. Новгородцы и устюжане, составлявшіе главную силу ушкуйниковъ, дѣлавшихъ на Волгу набѣги со стороны Вятки, собрались всѣми силами, доплыли на насадахъ до Камы, взяли Жукотинъ и Казань, разграбили караваны плывшихъ по Волгѣ купцовъ и благополучно возвратились домой. Очевидно, смѣлые ушкуйники воспользовались отсутствіемъ татаръ, снова ушедшихъ въ Орду. Далеко не такъ счастливъ былъ походъ на старое Болгарское царство извѣстнаго новгородскаго боярина Анфала, которому удалось увлечь за собой и вятчанъ. На полутораста насадахъ Анфалъ спустился въ 1409 г. по Камѣ, чтобы соединиться тамъ съ сотней насадовъ, плывшихъ по Волгѣ, и совокупными силами продолжать плаванье до Сарая. Но онъ не разсчиталъ времени, поналъ на встрѣчу татарамъ прежде, чѣмъ успѣлъ соединиться съ другой партіей, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Долгое время послѣ того вятчане не имѣли большихъ столкновеній съ татарами. Сами они принимали дѣятельное участіе въ борьбѣ Юрьевичей съ великимъ княземъ Василіемъ; а татары

23297 цен.

Казанскіе были еще слабы и не могли воспользоваться удобнымъ моментомъ вести борьбу. Но началась пора наибольшаго своеволія вятчанъ, вызвавшая въ 1459 г. погромъ Вятки великокняжескими войсками и въ 1489 г. окончательное ея покореніе. Улу-Махмедъ и его преемники между тѣмъ настолько усилили Казанское царство, что оно сдѣлалось грознымъ для сосѣдей: татары стали нападать на нихъ, причемъ частыя нападенія татаръ выносили и вятчане; иногда эти нападенія дѣлались прямо на вятчанъ, иногда попутно, именно тогда, когда татары шли черезъ Вятку на Устюгъ или Кокшенгу. Наиболѣе интересныя столкновенія вятчанъ съ татарами въ это время относятся къ 1467—69 г.г., т. е. ко времени борьбы вел. кн. Ивана Васильевича съ Казанскимъ царемъ Ибрагимомъ, и къ нѣсколькимъ дальнѣйшимъ годамъ. Большой походъ на Казань боярина Патрекѣева 1467 г. кончился крайне не удачно для русскихъ; пользуясь временнымъ успѣхомъ, татары тотчасъ же сдѣлали опустошительный набѣгъ на Устюгъ. Чтобъ отмстить за этотъ набѣгъ, воеводы великаго князя въ слѣдующемъ году собрались подъ Котельничемъ и направились оттуда на Казань. Вятчане собрали для этого похода всѣ свои силы и примкнули было къ нимъ; но вотъ они слышатъ, что татары большою ратью идутъ на нихъ по другой дорогѣ. Только 300 вятчанъ остались въ войскѣ великаго князя, всѣ остальные спѣшно воротились изъ похода. Татары появились на Вяткѣ въ такомъ количествѣ, что вятчане должны были покориться и отказаться отъ всякой помощи великому князю. Но въ слѣдующемъ году мы ихъ видимъ снова въ походѣ на Казанскихъ татаръ, въ московскомъ войскѣ; тѣмъ не менѣе въ новомъ походѣ русскихъ воеводъ на Казань вятчане отказываются участвовать, ссылаясь на то, что «изневолилъ насъ царь и право свое есмя дали ему, что намъ не помогати царю на великого князя, ни великому князю на царя». Вслѣдствіе такого отказа вятчанъ одинъ изъ воеводъ, идущій на Казань со стороны Вятки, былъ страшно разбитъ татарами. Другой воевода, Беззубцевъ, шедшій со стороны Волги, имѣлъ сначала значительный успѣхъ: онъ напалъ на самый городъ, освобо-

дивъ русскій полонъ, (въ томъ числѣ и вятчанъ), но потомъ не могъ на Волгѣ держаться долгое время, потому что вятчане отказали и ему въ помощи. «Коли пойдутъ подъ Казань братія великого князя, тогды пойдемъ и мы», отвѣчали они Беззубцеву, когда тотъ именемъ великаго князя требовалъ, чтобъ они черезъ 3 недѣли пришли къ нему на помощь. Такіе отказы вятчанъ вызывались вѣроятно тѣмъ, что они не хотѣли выносить на себѣ месть татаръ, которая неизбѣжно слѣдовала за каждой неудачной попыткой великаго князя разгромить Казанское царство. Они рѣшились бы присоединиться къ великокняжескому войску лишь въ томъ случаѣ, если великій князь соберетъ всѣ свои силы, пошлетъ въ войско это своихъ братьевъ. Осенній походъ воеводъ 1469 г. былъ весьма удаченъ. Ибрагимъ покорился великому князю «на всей его волѣ». Для вятчанъ настала тогда пора отмстить татарамъ за всѣ перенесенныя отъ нихъ бѣдствія и кстати удовлетворить своей склонности къ хищническимъ набѣгамъ. Два года спустя послѣ того они добираются до страшной нѣкогда, но уже безсильной теперь, Золотой Орды, берутъ Сарай, истребляютъ здѣсь множество татаръ, забираютъ «безчисленный» полонъ, въ томъ числѣ и княгинь сарайскихъ, и возвращаются домой. Татары ночевавшіе отъ Волги только на одинъ день пути, во время узнаютъ объ этомъ набѣгѣ, бросаются на свои суда и загораживаютъ вятчанамъ путь; но вятчане успѣваютъ пробиться со всѣмъ полономъ. Тоже повторяется и подъ Казанью; вятчане отбиваются и отъ Казанскихъ татаръ, хотя и съ немалымъ урономъ. Счастливый набѣгъ съ такимъ же успѣхомъ былъ повторенъ вятчанами на слѣдующій годъ: по извѣстію лѣтописи, вятчане такъ увлеклись грабежомъ, что даже мертвыхъ выкопывали изъ могилъ. Безпокойный Ибрагимъ, пользуясь временемъ борьбы великаго князя съ Новгородомъ, самъ задумываетъ нѣсколько походовъ на Устюгъ и на Вятку. Кажется, эти походы были вполнѣ неудачны, однако вятчанамъ они причинили много зла. Въ 1476 г., весною Ибрагимъ провелъ на Вяткѣ болѣе мѣсяца и потерпѣлъ неудачи. Вятчане соединились съ устюжанами, пошли на Каму и такъ успѣшно

принялись тамъ побивать татаръ, что Ибрагимъ долженъ былъ обратиться за помощью къ великому князю. Вятчане, по требованію великаго князя, возвратились домой. Чрезъ годъ, смущенный ложною вѣстью, что великій князь разбитъ новгородцами, Ибрагимъ снова послалъ на Вятку сильный отрядъ войска. Услышавъ, что Новгородъ взятъ, татары поспѣшно бѣжали, и «елико варяху въ котлѣхъ ѣству, все опрометаша». Тогда воеводы предприняли новый походъ на Казань, въ которомъ опять принимали участіе и вятчане. Они вмѣстѣ съ устюжанами, въ то время какъ воеводы вслѣдствіе сильной бури и дождя находились въ вынужденномъ бездѣйствіи, хозяйничали по Камѣ, убивая безъ пощады татаръ и забирая ихъ въ плѣнъ.

Въ 1485—89 г.г. на Вяткѣ происходятъ важныя событія, въ которыхъ близость вятчанъ къ казанскимъ татарамъ имѣетъ не малое значеніе. Въ это время великому князю пришлось снова вести борьбу съ непокорною Казанью; вятчане, помня свое прежнее своеволіе и пользуясь удобнымъ временемъ, стали выказывать такое непокорство, что смѣло стали нападать на отчины великаго князя, который въ 1489 г. долженъ былъ назначить на Вятку большой походъ, кончившійся покореніемъ Вятки.

Послѣднее столкновеніе вятчанъ съ татарами произошло спустя долгое время, именно въ 1542 г. Въ этотъ годъ большая татарская рать ходила по Моломѣ на Устюгъ; удачно повоевавъ тамъ, они спустились на плотахъ по той же Моломѣ до Котельнича; но тутъ ее встрѣтили собравшіеся со всѣхъ своихъ городовъ вятчане и побили ее на голову. Изъ этой рати только черемисамъ удалось добраться кое-какъ до Нижмы. До 1545—52 г.г. вятчане и татары оставили другъ друга въ покоѣ, а въ эти года они участвовали въ общемъ походѣ на Казань и были свидѣтелями ея совершеннаго покоренія.

II.

Обиженные князья.

Гдѣ-то въ южной части нынѣшней Вятской губерніи, а

можетъ быть и въ Казанской, была *Арская земля* *) которою владѣли *арскіе князья*. Эти князья извѣстны по лѣтописямъ съ 1489 г., когда они принимали какое-то участіе въ вятскихъ смутахъ, были вмѣстѣ съ лучшими вятчанами отведены въ Москву, но потомъ снова возвращены на Вятку; великій князь удовольствовался тѣмъ, что привелъ ихъ къ ротѣ (присягѣ). Подчиненіе князей было, конечно, не надежно; они тянули больше къ Казани, чѣмъ къ Москвѣ; напр. въ 1590 г. въ числѣ своихъ вѣрныхъ союзниковъ, вмѣстѣ съ горной и луговой черемисой, казанскіе татары называютъ и арскихъ князей. Впрочемъ, уступая силѣ или имѣя какія нибудь особыя выгоды, арскіе князья не разъ измѣняютъ своимъ единоплеменникамъ и участвуютъ въ многочисленныхъ походахъ великихъ князей на Казань, даже содѣйствуютъ ея окончательному покоренію русской власти. Извѣстно, что они были въ русскомъ войскѣ въ несчастный походъ на Казань 1524 г., а при покореніи ея въ 1545—52 г.г. они были въ сторожевомъ полку князя Серебрянаго, который начальствовалъ тогда и надъ тѣмъ отрядомъ, который успѣлъ привести изъ Вятки **). Участвовали они и въ болѣе раннихъ походахъ великаго князя на татаръ, за что и жаловались землями и угодьями по р. Чепцѣ.

Царская грамота 1551 г. даетъ точныя свѣдѣнія о томъ, кто изъ рода арскихъ князей жилъ въ то время по Чепцѣ и какими льготами они пользовались. Семей было шесть: Девятьяровы, Казыевы, Карачурины, Мурсейтовы, Азгметевы и Малышкины ***). Они владѣли всѣми помѣстьями, лѣсами, лугами и угодьями, тянувшими къ Карину, кромѣ того бобровыми ловлями съ устья Чепцы до рѣчки Бахтыевки и на верховьѣ Чепцы. Съ бобровыхъ ловель платился ими оброкъ; извѣстно, что одна семья платила съ своей части ловель по 10

*) Въ Казани есть извѣстное *арское* поле; городъ Арскъ упоминается со 2-й половины XIII ст.; по Елабужскому уѣзду по направленію къ Перми проходила *арская* дорога.

**) Карамз. примѣч. кн. VIII т. 148.

***) Фамиліи эти произведены русскими отъ татарскихъ именъ Девлетъ Казый, Карачъ и проч.

карихъ бобровъ или по 1000 бѣлокъ, а другая платила вятчанамъ по 6 руб. въ годъ. Другихъ податей Каринскіе князья, кажется, не платили, по крайней мѣрѣ въ первое время. Вмѣсто того они исполняли государеву конную службу, т. е. обязаны были по первому требованію государя являться въ походъ съ своимъ конемъ и вооруженіемъ. Князьямъ, какъ и всѣмъ частнымъ собственникамъ того времени, предоставлено было право приглашать на свои земли крестьянъ, назначать имъ оброки, управлять ими; даже судъ надъ крестьянами, кромѣ душегубства и разбоя, представленъ былъ имъ же. Хлыновскіе намѣстники, слободскіе волостели и ихъ тіуны не имѣли права требовать отъ нихъ кормовъ; праведчики и доводчики не должны были и показываться въ жалованномъ князьямъ помѣстьѣ (вѣроятно, за сборомъ оброка и тягла). Въ случаѣ иска на арскихъ князей присудъ на нихъ былъ у хлыновскаго намѣстника.

Вотъ факты изъ исторіи Каринскихъ князей съ того времени, какъ они появились на Вяткѣ. Скудный источникъ которымъ мы пользовались *), не даетъ большихъ свѣдѣній.

Въ 1524 г. былъ плѣненъ казанцами одинъ изъ арскихъ князей, Муса, сынъ Мурсейтовъ. Въ плѣну онъ провелъ цѣлыя 12 л., пока его братья Шансламъ и Муртоза, вмѣстѣ съ вятчанами, не поймали на бою знатнаго казанскаго татарина Бѣляка и не выпросили у великаго князя позволенія выѣнять его на Мусу и мать Башканды Карачурина. Муса отправился въ Москву бить челомъ о жалованьи за службу, но здѣсь умеръ. Его дочь вмѣстѣ съ движимымъ имѣніемъ была взята на попеченіе Башкандою, а помѣстьемъ продолжали владѣть его братья, такъ какъ оно было у нихъ не въ раздѣлѣ; въ продолженіи 12 л. они исполняли всѣ службы государю за часть своего брата, приняли на себя и его долгъ въ 30 руб. Послѣ этого Башканда Карачуринъ поѣхалъ въ Москву и «выгналъ» тамъ грамоту у казначеевъ государевыхъ на помѣстье Мусы, сказавъ ложно, что онъ выкупилъ Мусу изъ плѣна.

*) Грамоты въ сборн. «Столѣтіе Вятской губерніи» — «Древніе Акты».

Мурсейтовы подали въ свою очередь челобитную, и помѣстье имъ было возвращено. Велѣно имъ было «по прежнему вѣдать и судить братень жребій Бѣляковъ, Вотяковъ и Чувашу и пошлину на нихъ имѣть, какъ было раньше».

Помѣстья арскихъ князьей подвергались нападеніямъ Казанскихъ татаръ: помѣстье одной семьи, Азгметевыхъ, такъ запустѣло отъ этихъ нападеній, что въ 1551 г. они просили великаго князя назначить имъ паи изъ оброчныхъ угодій, принадлежащихъ другимъ князьямъ. Азгметевы получили четвертый пай съ Карачуриными и Деветьяровымъ, а пятый пай съ прочими князьями въ оброчныхъ бобровыхъ ловляхъ вверхъ Чепцы и въ озерахъ по ней. Въ 1556 г. это распоряженіе подтверждено, но въ грамотѣ прибавлено, что Азгметевы не должны пользоваться падучими рѣками, отданными на оброкъ Шелому Есипову съ товарищи, изъ чего видно, что съ того времени арскіе князья бобровыми ловлями пользуются уже не безраздѣльно.

Жалованная грамота великаго князя Василья Ивановича князьямъ Деветьяровымъ сгорѣла во время пожара, бывшаго въ г. Слободскомъ въ 1553 г.; по ихъ челобитью въ томъ же году великій князь Иванъ Васильевичъ далъ имъ грамоту своимъ именемъ, подтверждая ихъ старыя права на бобровыя ловли въ рѣкахъ и озерахъ съ устья Чепцы до Бахтыевки. Деветьяровы пользовались этими ловлями вообще съ Карачуриными (четырьмя вытьми), съ которыми вмѣстѣ и вносили оброку по шести рублей въ годъ; оброкъ доставлялся прямо въ Москву. Поручителями въ исправномъ платежѣ оброка были сосѣди татаръ вятчане Есиповъ и Бакулевъ.

Въ 1556 г. подтверждены были права Деветьярова и Казыева на дер. Шептяковскую и Желтиковскую, на которыя старая жалованная грамота также сгорѣла.

У арскихъ князей, которымъ на Вяткѣ жилось, вѣроятно, не плохо, явилось совершенное нежеланіе «своими головами» исправлять государеву службу, и они ищутъ случая избавиться отъ нея. Когда затѣмъ по всей Вятской области, въ 1629 г., производилась писцомъ Толочановымъ перепись, каринскіе татары

были записаны въ писцовыя книги, и такимъ образомъ сдѣлались частными собственниками, обязанными нести общее государево тягло по указамъ. Вскорѣ послѣ Толочанова они расчистили, распахали свои земли и поселили на нихъ русскихъ крестьянъ изъ оброку и изъ половиннаго хлѣба (половниками). Дѣло ясно, что должно было случиться далѣе: крестьяне, поселившіеся на татарскихъ земляхъ, били челомъ государю, что татары платятъ въ его казну меньше всемеро противъ русскихъ и разбогатѣли «оттого нажитками большими», что они вовсе не служатъ службъ государевыхъ и что по Уложенью которые люди живутъ за татарами, велѣно тѣхъ людей и землю отводить за великаго государя безповоротно. Какой результатъ имѣло челобитье земскаго челобитчика Матюшки Платунова, посланнаго въ Москву въ 1673 г., неизвѣстно; но съ этого времени большіе арскіе князья, въ которыхъ нѣкогда искали помощи великіе государи, постепенно лишались всѣхъ своихъ льготъ и земель. Нынѣшніе каринскіе татары въ глазахъ народа представляются самыми обыкновенными татарами, которыхъ князьями можно назвать развѣ ради иронiи. Но сами татары не забываютъ своего прошлаго; они бережно хранятъ грамоты, жалованныя имъ въ разное время государями, и пользуются всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ заявить о своихъ правахъ. Нѣкоторыя отличительныя черты быта и правовъ каринскихъ татаръ, извѣстныя мѣстному населенію, есть, конечно, старый отзывъ старины.

III.

Первыя поселенія русскихъ между рѣками Воей и Суной *).

Каждая перепись ожидалась крестьянами съ нетерпѣніемъ: государевы писцы щедро надѣляли малоземельныхъ или лишенныхъ угодьевъ и землями, и угодьями. Земли малоудобныя, нерасчищенныя луга, земли удаленныя отъ поселеній можно

*) Статья эта, представляя изложеніе нѣкоторыхъ актовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ «Столѣтіе Вятской губерніи», разъясняетъ сущность спора о монастырскихъ земляхъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ тѣхъ самыхъ актахъ. Примѣчаніе Редакціи.

было пріобрѣтать на весьма льготныхъ условіяхъ. Такимъ-то образомъ крестьяне Березовскаго стану Максимовъ, Ѳедявинъ и Буторинъ у писца Толочанова въ 1629 году пріобрѣли въ томъ же стану за р. Кирмыжемъ, впадающемъ въ рѣку Вою, дикое раменье на 12 четвертей пашни, съ освобожденіемъ отъ всякаго оброку въ продолженіе 10 лѣтъ, а потомъ изъ оброка съ выти по 1 руб. 16 алт. 4 ден. Грани земли шли по рѣчкамъ: отъ перваго Кирмыжскаго сосноваго болота по Кирмыжу, по Ошети и Пили, по Сунѣ до ея устья и оттуда по Лудянѣ. Отъ русскихъ людей новыя пашни удалены были верстъ за сто, сосѣдами же были ясачные черемисы волости Чукпи Алатской дороги. Пользовались-ли крестьяне своею новою землею, платили-ли съ нея оброкъ по окончаніи льготныхъ лѣтъ, неизвѣстно; но повидимому они слишкомъ понадѣялись на свои силы: землю они не могли сдержать за собою и чрезъ 18 лѣтъ, въ 1647 году, передали ее Вятскому Успенскому монастырю, который чрезъ 2 года получилъ на нее и вводную грамоту, изъ прежняго оброку. Въ томъ же году въ Кирмыжѣ построена была монастыремъ церковь Вознесенія Господня съ придѣломъ во имя Алексѣя Человѣка Божія и Дмитрія Селунскаго и приняты мѣры для поселенія въ новой вотчинѣ крестьянъ: переведены изъ другихъ монастырскихъ вотчинъ и приглашены вольные нетяглые люди. Бобѣе 20 лѣтъ монастырь владѣлъ спокойно своими крестьянами, платя за нихъ оброкъ и исполняя всѣ государевы службы, исправно отпуская даточныхъ людей. Въ с. Вознесенскомъ постоянно жилъ посылаемый монастыремъ посельный старецъ, который и управлялъ вотчиною. Но вотъ рядомъ съ монастырскою вотчиною селится безпокойный сосѣдъ, который и причинятъ Успенскому монастырю много неожиданныхъ хлопотъ. Въ село Лебяжье Казанскаго Уржумскаго уѣзда бѣжалъ съ Вятки крестьянинъ Чепецкаго стана Агаѳонко Буйской съ товарищами; въ 1661 г. бѣглецы поселились на пустой землѣ по рѣчкѣ Лудянѣ, построили здѣсь церковь во имя Зосима и Савватія Соловецкихъ, а для нея выпросили на церковниковъ новыя земли и сѣнные покосы съ оброкомъ по 10 ясаковъ въ годъ, который и обя-

зались платить въ Казань. Земля, на которой поселился Буйской, принадлежала черемисѣ алатской дороги Яшпаткѣ Полубаеву съ товарищами. Черемисы заявили было въ томъ же году свои права, указывая въ своемъ челобитьѣ, что съ этой земли они уже давно платятъ 30 ясаковъ и 30 батмановъ меду ежегодно, что у нихъ въ тѣхъ мѣстахъ бобровыя ловли, хмѣлевыя угодья, ловли выдры и норки, за что они также платятъ оброку 30 алт. и пошлинъ 9 денегъ, добились даже того, что въ 1663 г. утверждены были въ своихъ правахъ, хотя и съ надбавкою въ 8 ясаковъ, но все-таки земля Агаѳону Буйскому была выдѣлена. Буйской съ товарищами платилъ съ своей земли по 10 ясаковъ въ годъ, а его сосѣди не платили ничего, и вотъ въ 1665 г. онъ заявляетъ Казанскому воеводѣ, что по рѣкѣ Сунѣ и дальше есть до 50 и болѣе дворовъ, еще неположенныхъ въ ясакъ. Воевода посылаетъ казанца Змѣева и Немирова переписать эти дворы, распросить кто откуда пришелъ, и наложить ясакъ. Крестьяне 24 дворовъ по правую сторону рѣки Суны заявили подъячимъ, что они поселились изъ разныхъ деревень Вятскаго уѣзда и одинъ дворъ изъ с. Лебяжья, крестьяне и бобыли остальныхъ 20 дворовъ показали, что они выселись изъ монастырской Вобловицкой волости, посадивъ на свои мѣста садоковъ; всѣ эти крестьяне разселились частью по рѣкѣ починками на 10 верстахъ, частью по дорогѣ, идущей къ Сунѣ изъ с. Лебяжья, среди большихъ раменныхъ лѣсовъ. Змѣевъ и Немировъ наложили на нихъ 17¼ ясаковъ, да бобыльскаго денежнаго оброку 3 р. 3 алт. 2 ден. По другую сторону Суны они переписали село Вознесенское Хлыновскаго уѣзда; кромѣ церкви, монастырскаго двора, двора попова, пономарева, трапезникова и просвирницына здѣсь оказазалось крестьянскихъ и бобыльскихъ 70 дворовъ. Крестьяне 2 дворовъ оказались Вятскаго уѣзда протопоповыми, крестьянинъ одного двора оказался Троицкаго монастыря Холуницкой пустыни, крестьянинъ другаго двора Уржумскаго Чепоцкаго монастыря, крестьяне и бобыли 19 дворовъ показали, что они принадлежали раньше Успенскому монастырю и жили въ Вобловицкой-же волости, но что и они

посадили вмѣсто себя садаковъ. Эти крестьяне поселились по Суѣ на 25 верстахъ, да и по хлыновской дорогѣ изъ села Вознесенскаго на 10 верстахъ поселились 93 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ. Змѣевъ съ товарищемъ наложилъ на крестьянъ села и починковъ 38 ясаковъ, да бобыльскаго сбору 3 рук. 8 алт. 2 ден. Такимъ образомъ по Суѣ не оказалось монастырскихъ крестьянъ, а всѣ они назвали себя вольными. Для насъ очень любопытно это единодушное отпирательство крестьянъ отъ монастыря и охота, съ какой они изъ монастырскаго владѣнія перешли на государевъ ясакъ; обстоятельство это имѣло большое значеніе. Архимандръ Успенскаго монастыря Серій не замедлилъ подать въ Казанскій приказъ сказку, о томъ что земли, переписанныя Змѣевымъ, вопервыхъ принадлежатъ къ Вятскому уѣзду, а не Казанскому, а вовторыхъ, что они издавна состоятъ во владѣніи Хлыновскаго монастыря, который и платитъ за нихъ оброкъ и исполняетъ всѣ государевы службы. Пока челобитье ходило въ Казань оттуда въ Москву, пока собирались нужныя справки въ Новгородской Чети, архимандритъ съ большимъ числомъ монастырскихъ крестьянъ пріѣхалъ въ с. Вознесенское и началъ править съ крестьянъ оброки, хотя въ сельской избѣ и сидѣлъ уже присланный изъ Казани приказный человѣкъ. Раздраженный нежеланіемъ крестьянъ платить ему оброкъ, архимандритъ прибѣгъ къ крутымъ мѣрамъ. Крестьяне въ своемъ заручномъ челобитьѣ жалуются, что послѣ отъѣзда Змѣева въ то село Вознесенское пріѣзжали съ Вятки болѣе «50 челов. монастырскихъ слугъ и крестьянъ, съ ружьями, въ томъ селѣ били крестьянъ до полусмерти, вязали, ковали въ желѣза и доправили на нихъ 200 руб. 10 алт., а у кого денегъ не было, брали кафтаны шубные и сермяжные, сарафаны, кресты, серги, пограбили церковь, увезли попа и причетниковъ, увезли на Вятку 6 человѣкъ крестьянъ и держатъ ихъ тамъ въ цѣпяхъ» *). Въ селѣ были оставлены 4 старца, которые чинятъ имъ обиды и кладутъ большіе налоги, всячески ихъ стращаютъ и неволятъ, чтобы они жили за монастыремъ. Крестьяне заявляли въ чело-

*) Древніе Акты стр. 161.

битьѣ, что они не хотятъ жить за монастыремъ, который завладѣлъ ими насильствомъ: беретъ съ нихъ оброкъ, несмотря на то, что они посадили вмѣсто себя въ Вобловицкой волости садоковъ и тѣмъ самымъ сдѣлались людьми вольными. Въ томъ же маѣ 1665 г. архимандритъ билъ челомъ государю о своихъ правахъ на Суйскихъ крестьянъ. Въ челобитьѣ онъ обвиняетъ Змѣева и Немирова, что они, безъ всякаго сношенія съ Вятскимъ воеводою и не принимая во вниманіе его архимандричьей сказки, написали ихъ монастырскихъ крестьянъ въ Казанскій уѣздъ, правили съ нихъ стрѣлецкія деньги, оставили церковь Божью безъ пѣнья и даже приставили къ ней караулъ. Въ тоже самое время въ Новгородской Чети было получено челобитье еще прошлаго 1664 г. крестьянъ Березовскаго стану на монастырскихъ крестьянъ Шиврина и Трубицина, что они самовольно заводятъ пашни ниже устья Суны по рѣчкѣ Кирчану и по обѣ стороны Вои, призываютъ къ себѣ тяглыхъ крестьянъ, даютъ имъ лѣсъ, росчисть подъ пашню и сѣнные покосы и берутъ съ нихъ по рублю, по два и больше, и что сманили такимъ образомъ къ себѣ больше 60 семей, за которыхъ тягло приходится платить имъ оставшимся на своихъ мѣстахъ крестьянамъ, что невѣдомо почему 7 семьи записаны Змѣевымъ въ Казанскій уѣздъ.

Пока Новгородская Четь и Приказъ Казанскаго Дворца медлили рѣшеніемъ, въ Москвѣ были получены двѣ новыя челобитныя. Въ февралѣ 1667 г. Вятскіе земскіе старосты, вмѣсто всѣхъ вятчанъ посадскихъ людей, били челомъ государю, что въ прошлыхъ годахъ сбѣжали съ Вятки отъ государевыхъ податей и службъ Никифорко Рѣткинъ съ товарищами, поселились въ с. Лебяжьѣ, потомъ заняли часть земель Успенскаго монастыря по Супѣ и призываютъ къ себѣ бѣглецовъ тяглыхъ людей, рейтаръ и солдатъ, что пашенной земли въ Суйскомъ раменьѣ и дальше за Вяткою хорошихъ нѣтъ и потому они живутъ разбоемъ: ходятъ въ сосѣднія волости, воруютъ скотъ, грабятъ дома, крадутъ татьбами и разоряютъ до конца, что на тѣхъ воровъ нѣтъ никакой управы, потому что они отказываются судиться у Хлыновскаго воеводы, а признаютъ присуд

лишь въ Казани, что они, Вятчане, платили за бѣглецовъ съ правежа 927 руб. 18 алт. и что еще они стоятъ въ правежѣ за нихъ же въ стрѣлецкихъ, оброчныхъ, кабацкихъ и доимочныхъ деньгахъ прошлыхъ лѣтъ въ 1495 руб. 32 алт. и ихъ, Вятчанъ, день бьютъ, а къ ночи мечутъ въ тюрьму, отчего многіе снова бѣгутъ въ Суское раменье и иныя льготныя пашни. Вятчане просятъ великаго государя велѣть быть Сускому раменью снова въ Вятскомъ уѣздѣ, чтобы имъ оставшимъ людямъ и впредь отъ воровства и грабежу сускихъ крестьянъ податей и службъ не отбыть. Тогда же Вятскій воевода доносилъ въ Новгородскую Четь, что изъ доимочныхъ стрѣлецкихъ денегъ прошлыхъ лѣтъ 1201 руб. да четверныхъ 1203 руб., которыя ему приказано было доправить на посадскихъ людяхъ и на крестьянахъ, имъ доправлено лишь 1064 стрѣлецкихъ денегъ, а въ остальныхъ Вятчане стоятъ на правежѣ, и что отъ правежу они бѣгутъ съ женами и дѣтьми въ Казанскій, Ирапскій, Уржумскій и Вятскій уѣзды на Вою, Лудяну, Кирчанъ, въ Сускую волость, а тяглые свои участки покинули впустѣ. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до полученія этихъ челобитныхъ сдѣлана была попытка разграничить Казанскій и Вятскій уѣздъ и доѣздомъ розыскать, какія изъ Сускихъ земель принадлежали Успенскому монастырю, чтобъ разомъ разрѣшить недоразумѣніе. На доѣздѣ подавали показанія 2804 человѣка, 1649 изъ Казанскаго уѣзда и 1155 изъ Вятскаго; тутъ были попы, цѣловальники, дьячки, пономари, старосты, цѣловальники, крестьяне, бобыли, черемиса, новокрещены, черемисскіе сотники, десятники: но доѣздъ не далъ опредѣленныхъ указаній: всѣ Казанскіе говорили, что спорная земля принадлежитъ Казанскому уѣзду, что Успенскому монастырю были даны пашни въ Кирмыжѣ за 10 в. отъ р. Суны, что мѣста, занятыя монастыремъ, принадлежали черемисамъ волости Мелеть и деревни Кильмезь, что и записано въ писцовыхъ книгахъ, а Вятчане показывали почти единодушно, что земля по Суѣ принадлежитъ Вятскому уѣзду и была отдана на оброкъ Успенскому монастырю.

Справились въ дозорныхъ книгахъ Григорія Соковнина,

но тамъ не нашлось нужныхъ разъясненій: дѣло даже запуталось, такъ какъ челобитчикъ Успенскаго монастыря, старецъ Сумароковъ, пользуясь этимъ дозоромъ заявилъ, что монастырю принадлежитъ и та земля, на которой стоятъ села Лудянское и Кирчанское со всѣми ихъ приселками, признавъ, впрочемъ, что церкви въ этихъ селахъ построены крестьянами, а не монастыремъ. Соковнинъ въ своемъ дозорѣ сдѣлалъ такое расчисленіе спорной землѣ: село Вознесенское, въ немъ 6 дворовъ церковничьихъ, 13 крестьянскихъ, церковной земли 4 дес., крестьянскихъ 16 въ каждомъ полѣ, сѣнныхъ покосовъ на 250 копенъ, да къ селу 5 деревень и 33 починка, а въ нихъ 105 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, въ которыхъ 215 десятинъ и покосовъ на 1880 копенъ; 2 деревни и 14 починковъ по другую сторону Суны, въ нихъ 60 дворовъ; село Лудянское, а къ нему 4 деревни и 5 починковъ, съ большими сѣнными покосами; село Кырчаны и къ нему 4 починка; да въ 50 в. отъ с. Вознесенскаго вверхъ по Быстрицѣ до рѣчки Чернушки поселенія крестьянъ Успенскаго монастыря на 25 верстахъ, 69 дворовъ.

Дѣло очень затянулось. Монастырь продолжалъ хлопотать, а всею Сунскою волостью между тѣмъ управлялъ Казанскій приказный человѣкъ. Наконецъ въ 1668 г. Алфимовъ размежевалъ оба уѣзда при помощи старожильцевъ изъ того и другаго уѣзда. Къ доѣзду были привлечены 5 чел. изъ с. Лебяжья, 5 чел. Березовскаго, 8 чел. Ченецкаго стана, 4 челов. Никольской волости, 5 вотяковъ Каринской волости, 5 челов. Уржумскаго уѣзду и нѣсколько черемисъ Штиринской и Сабацкой деревень *). По доѣзду оказалось, что спорныя земли принадлежатъ въ самомъ дѣлѣ къ Вятскому уѣзду и Успенскому монастырю; не могъ только старецъ Варлаамъ доказать законность своей претензіи на с. Лудяну. Алфимовымъ были положены также грани и другой монастырской вотчинѣ, за Кирмыжемъ у рѣки Быстрицы, въ межахъ съ землею Хлынов-

*) Грань между уѣздами проведена по рѣчкамъ: Ивлиной, Ситмѣ, Юнуку, Чернушкѣ, Удеру, м. Поли, Воѣ и Ошлани.

скаго Никольскаго собора. Тутъ оказалось крестьянскихъ 80 дворовъ въ 23 починкахъ: крестьяне эти были вольные нетяглые, крестьянскіе дѣти и племянники (не внесенные въ переписныя книги), гулящіе люди и половники разныхъ волостей Вятскаго уѣзда.

Кончивъ свой сыскъ въ Вятскомъ уѣздѣ, Алфимовъ тотчасъ поѣхалъ на другое сыскное дѣло въ Цывильскъ, не успѣвъ ввести монастырь во владѣніе его вотчиною, гдѣ между тѣмъ казанскій приказный Сосѣдовъ продолжалъ править ясакъ. Старецъ Варлаамъ явился къ нему и просилъ подождать со сборомъ, пока не возвратится Алфимовъ и не положитъ отводу; но въ отвѣтъ на эту просьбу Сосѣдовъ навелъ изъ Казани стрѣльцовъ, съ помощью которыхъ и сталъ весьма жестоко править ясакъ, даже увеличивъ его вдвое. Едва ли не прибавлено красокъ въ описаніи этого правежа, какое мы находимъ въ челобитной монастырскихъ крестьянъ и архимандрита. Пріѣхали, писалъ архимандритъ, въ Вознесенское село стрѣлецкій сотнукъ Брехово со стрѣльцами, а съ ними вѣдомые воры Агаѳонко Буйской да Микифорко Рѣткинъ, и Сунскіе бунтовщики (вѣроятно монастырскіе крестьяне) Сенька Снѣгиревъ съ товарищами, всего болѣе 50 человѣкъ, со всякимъ оружіемъ стрѣляли въ крестьянъ изъ ружей, кололи и сѣкли ихъ бердышами, многихъ били на смерть, даже церковь Божью, куда прятались крестьяне, старцы и слуги, обрудили (полили кровью), старцевъ взяли въ Казань и держали тамъ въ крѣпи долгое время.

Но вотъ возвратился и Алфимовъ. Онъ отписалъ и отмежевалъ село Вознесенское и Кирчанское со всѣми землями и деревнями по прежнему въ Хлыновскій монастырь: однѣ межевыя книги послалъ въ Москву, другія въ Казань, третью далъ въ монастырь. Казалось бы дѣло было кончено, но чрезъ какой нибудь мѣсяцъ въ монастырскую вотчину опять пріѣзжаетъ Сосѣдовъ съ 40 стрѣльцами и снова начинается старая исторія: крестьянъ ихъ и бобылей били и дворы ломали и животы ихъ пограбили, и домы ихъ безчестили, и коней у нихъ поотнимали, и старца ихъ и слугу, что оставлены были

въ той вотчинѣ для всякой бережи, схвативши съ иными крестьяны, свезли въ Казань; а достальные ихъ крестьяне отъ того ихъ мученія и смертнаго убойства разбрелись и живутъ по лѣсамъ, а дворы ихъ отъ ихъ стрѣлецкого разоренья стоятъ пусты, и работать тѣмъ ихъ крестьянамъ они стрѣльцы не даютъ, хлѣбъ на корню сталъ обронень, потому что тѣ стрѣльцы живутъ и нынѣ въ той ихъ монастырской вотчинѣ въ починкахъ и деревняхъ безотступно, и живучи крестьяне ихъ по лѣсамъ, помираютъ съ голоду, и хотятъ стрѣльцы по прежнему, насильствомъ своимъ, тое монастырскую вотчину приверстать къ Казани». По челобитной архимандрита Сергія изъ Москвы была послана въ Казань грамота съ прочетомъ, которой еще разъ подтверждались права монастыря на села **Вознесенское и Кирчанъ.**

Но въ ту пору въ Московскомъ государствѣ было всюду еще такъ много самоуправства и безпаказанности, что и грамота съ прочетомъ не могла вполнѣ успокоить монастырскихъ крестьянъ. Поселившіеся въ село Кирчанъ бѣглые крестьяне Илюшка Рохинъ съ товарищами заявили Казанскому воеводѣ, что они не отписаны къ монастырю и должны считаться вольными людьми. Для розыску и отводу были посланы изъ Казани Соковнинъ и Немировъ: они нашли, что Рохинъ съ товарищами не правы, и выдали ихъ головами Успенскому монастырю. Но не такъ-то легко подчинились старицамъ озлобленные крестьяне: чрезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1675 г.) соединившись съ бѣглыми солдатами и стрѣльцами, они учинили въ Кирчанской монастырской вотчинѣ бунтъ и мятежъ великій. Разломали сѣни у приказной монастырской кельи, захватили старца со всѣми служками и заковали его, связали всѣхъ нежелавшихъ присоединиться къ бунту крестьянъ, мучили ихъ всячески и били на смерть. Двое сѣли въ приказной избѣ и судили и расправу чинили многое время. Когда старцу удалось бѣжать изъ мятежнаго села, бунтовщики поставили на всѣхъ дорогахъ караулы съ ружьями и на лыжахъ и не пропускали ни приказныхъ изъ Вятки, ни монастырскихъ слугъ. Рѣшившись защищаться, они собрали груды ослопья и колья,

которыхъ много нагащили даже въ церковную трапезу. Всѣхъ, не желавшихъ пристать къ нимъ, мятежники мучили, держали скованными и грабили ихъ дома, такъ что многіе ушли въ дальніе лѣса со своими семьями и всѣмъ имѣніемъ. Снова появляется Соковнинъ съ товарищемъ и снова приводитъ Кирчанское село за монастырь *). Мятежники бѣгутъ въ Казанскій уѣздъ: Рохинъ поселился не подалеку, а солдаты и стрѣльцы уходятъ въ дальніе дикіе лѣса на новыя распашныя мѣста. Враждебныя отношенія Рохина съ монастыремъ продолжаются. Бѣглецы жестоко мстятъ семьѣ стариннаго монастырскаго крестьянина Васьки Бурова, не ходятъ въ церковь и не приглашаютъ къ себѣ священниковъ. Попытка монастыря помириться съ ними была неудачна. Монастырь послалъ имъ Спасовъ образъ и монастырскіе хлѣбы, но мятежники не вышли даже встрѣтить иконы, а про хлѣбъ сказали, что лучше тѣмъ хлѣбомъ велѣли бы старцы монастырскій скотъ кормить. Бунтовщики не пошли въ церковь Кирчанскую для крестнаго цѣлованія вступающему на престолъ Осдору Алексѣевичу: когда монастырскій служка ихъ въ дальнихъ починкахъ и звалъ къ цѣлованію, то они чуть не побили его оглоблемъ. Та же судьба угрожала и самому архимандриту Сергію, когда онъ явился къ нимъ для увѣщанія, но его оборонилъ приказный человѣкъ изъ с. Лобжья. Поселъскаго старца, монастырскихъ слугъ и служебниковъ вынудили бѣжать изъ села съ безчестіемъ и снова принялись грабить Кирчанскихъ крестьянъ, такъ что тѣ должны были уходить въ дальніе лѣса. Да и бѣглые стрѣльцы, которые жили въ Казанскомъ уѣздѣ уже многіе годы, не оставляли монастырской вотчины въ покоѣ, исправно грабя ее въ своихъ разбойныхъ набѣгахъ на вятчанъ.

На челобитье архимандрита Іоиля послѣдовалъ Казанскому воеводѣ великаго государя указъ: сыскать заговорщиковъ, жестоко наказать ихъ («нещадно бить кнутами») и отпустить затѣмъ на поруки съ записью, а также розыскать

*) По духовному управленію село надолго остается въ Казанскомъ уѣздѣ.

всѣхъ бѣглыхъ стрѣльцовъ и солдатъ и послать ихъ въ Московскій стрѣлецкій приказъ, гдѣ и учинить имъ по розыску наказаніе. Тѣмъ же указомъ не велѣно принимать бѣглыхъ монастырскихъ крестьянъ въ Казанскіе города, села и уѣзды, не велѣно въѣзжать въ монастырскую вотчину казанскимъ воеводамъ и приказнымъ людямъ для суда и расправы, а казанскимъ цѣловальникамъ и откупщикамъ для продажи питья. О крестномъ же цѣлованьѣ и объ оскорбленіи архимандрита приказано было сдѣлать розыскъ Вятскому воеводѣ.

Понятенъ смыслъ передавной нами исторіи. Крестьяне разныхъ волостей, вслѣдствіе недостатка пашни и жестокаго правежу, бѣгутъ на новыя земли, за которыя они платятъ небольшой оброкъ, и гдѣ кромѣ того, они защищены отъ приказныхъ людей и сборщиковъ. Но они, сами того не вѣдая, поселяются на монастырскихъ земляхъ, съ которыхъ монастырь платитъ каждый годъ оброкъ, хотя и небольшой. Пока нужды въ пашнѣ нѣтъ и вновь поселившихся крестьянъ еще мало, монастырь попускаетъ имъ владѣть землею, можетъ быть даже дѣлая по временамъ слабыя попытки заявить свои права. Съ теченіемъ времени поселенцы сильнѣ укрѣпятся въ безспорной принадлежности имъ земли, а по примѣру ихъ и сосѣди ихъ, старые монастырскіе крестьяне, приходятъ къ убѣжденію, иногда завѣдомо ложному, что монастырь ими владѣетъ неправильно. Начинаются взаимныя неудовольствія, раздраженіе, которыя кончаются бунтомъ и жестокими насиліями съ обоихъ сторонъ. И монастырь, и крестьяне считаютъ себя правыми, прибѣгаютъ къ защитѣ приказовъ, даже къ самоуправству. Въ дѣло вмѣшиваются бѣглые стрѣльцы: обоюдная распря и жестокость доходятъ до крайности. Правительство становится на сторону правыхъ по закону и усмиряетъ волненіе, хотя и съ большимъ трудомъ. Крестьяне подчиняются силѣ, но продолжаютъ считать себя правыми.

IV.

Живучая старина.

21 мая 1739 г. бывшій вятскій епископъ Кипріанъ до-

несъ святѣйшему Синоду о двухъ извѣстныхъ ему народныхъ суевѣріяхъ въ Вятской епархіи: о почитаніи вятчанами находящагося вблизи самого г. Вятки болота, называемаго «Нижній Потокъ», и о совершеніи въ самомъ городѣ нѣкотораго страннаго обряда. Въ донесеніи значилось между прочимъ слѣдующее.

Въ Петровъ день прошлаго года, когда на Нижній Потокъ по обыкновенію долженъ былъ собраться народъ, изъ архіерейскаго приказу отправленъ былъ туда съ достаточнымъ количествомъ разсыльщиковъ Вятскій поповскій староста (благочинный), съ приказаніемъ разузнать, какое тамъ чинится суевѣріе. Благочинный счелъ за лучшее «изловить» сколько можно человѣкъ изъ числа собравшихся и допросить ихъ въ Духовномъ Приказѣ. Изловлено было 16 мужчинъ и 8 женщинъ. На допросѣ мужчины показали, что они въ то мѣсто ходили отыскивать потерявшуюся скотину, хотя скотъ никоимъ образомъ не могъ туда попасть: мѣсто было топкое и лѣсистое. Перепуганныя женщины оказались откровеннѣе: онѣ показали, что, приходя къ потоку, онѣ молились, пили изъ него воду, обливались ею. Всю вину своего суевѣрія онѣ старались сложить на терпѣливый мужескъ полъ, который, по ихъ разсказамъ, говорилъ имъ, что у того мѣста есть какой-то богъ. На мѣстѣ преступленія поповскій староста нашелъ и вещественныя доказательства для полнаго изобличенія суевѣровъ, куски хлѣба и сыру, яйца, шапки, рубахи, платы и подчепельники. Всѣ изловленные были признаны виновными и отправлены для должнаго наказанія въ Провинціальную Канцелярію.

Тогда же было обращено вниманіе и на другое, чинимое въ самомъ г. Хлыновѣ, суевѣріе. Узнавъ, что въ женской богадѣльнѣ, находящейся при Вознесенской церкви, происходятъ какія-то необыкновенныя собранія, Архіерейскій Приказъ учинилъ обычнаго рода досмотръ. Въ богадѣльнѣ были «изловлены», весь причтъ Вознесенской церкви (попъ Иванъ, дьяконъ Иванъ, пѣвчій Павелъ Соловьевъ, отставной пѣвчій Дм. Барышниковъ), семь богадѣльныхъ старухъ да 18 женъ разныхъ хлыновскихъ обывателей. Женщинъ собралось значительно бо-

лѣе, но многія изъ нихъ, завидѣвъ караульщиковъ, успѣли скрыться. Въ богадѣльнѣ оказалось много принесенныхъ туда участницами сборища куръ, жареныхъ и вареныхъ индѣекъ. На допросѣ женщины показали, что между ними ведется обычай собираться въ день Рождества Пресвятыя Богородицы (8 сентября) и съѣдать обѣщанныхъ ими при рожденіи младенцевъ куретницъ, что этотъ обычай ведется изъ старины, что на обѣдъ не допускаются ни мужчины, ни незамужнія женщины, что всѣ остатки отъ птицъ или зарываютъ въ землю, или топятся въ водѣ, чтобъ ихъ никто другой не могъ коснуться. Всѣ женщины были посланы для наказанія въ Провинціальную Канцелярію; но такъ какъ воевода отказался ихъ наказать, то они вновь были приведены въ Духовный Приказъ и получили тамъ должное внушеніе плетьми. А оной богадѣльни старостиха, яко наиглавнѣйшая тому разглашенію ходатаица отъ многихъ лѣтъ, по учиненіи наказанія, послана въ городъ Слободской, скована, къ содержанію въ богадѣльнѣ-жъ подъ начальство.

Синодъ послалъ преемнику Кипріана, преосвященному Веніамину, указъ о немедленномъ и подробномъ разсмотрѣніи указанныхъ суевѣрій *).

Какъ отозвался на этотъ указъ епископъ и какія мѣры употребилъ онъ для искорененія суевѣрія, не извѣстно, но любопытно то, что остатки того и другаго суевѣрія на Вяткѣ живы до сихъ поръ.

«Нижній Потокъ», или какъ нынѣ его называютъ просто «Потокъ» или даже «Потомъ», находится не вдалекѣ отъ города, за Казанцевскою мельницею. Трудно сыскать это мѣсто: въ настоящую пору оно представляетъ изъ себя болотистую, заросшую хвощемъ, полную мріадой такъ называемыхъ «мормышей», болотистую лужу, въ какую нибудь сажень ширины. Только накиданный и утоптанный хворостъ, да едва замѣтная тропинка по направленію къ с. Филейкѣ, служатъ посѣти-

*) Указъ напечатанъ въ соч. прот. Никольскова «Іерархія Вятской Епархіи» стр. 262.

лямъ признакомъ, по которому можно найти названный потокъ. Еще въ недавнее прошлое сыскать «Потокъ» было значительно легче. Прежде хотя во всей окрестности потока былъ густой лѣсъ, зато теперешняя лужа была тогда (еще на памяти старожиловъ) глубокимъ, чистымъ озеромъ, саженъ въ 7 ширины, въ которомъ любили купаться сосѣдніе ребятишки. Избытокъ воды чрезъ небольшой протокъ стекалъ въ ближайшую рѣчку, Люльченку. Мнѣ не удавалось побывать у потока въ Петровъ день, когда у него изъ года въ годъ собирается народъ, и не могу сказать, какой характеръ имѣютъ эти собранія, но за то пришлось наблюдать его въ то время, когда онъ несомнѣнно сохраняетъ свое старое значеніе. Это было въ послѣднихъ числахъ мая. Многіе изъ богомольцевъ, ходившихъ на Великую рѣку и на обратномъ пути проходящіе чрезъ Вятку, считаютъ своею обязанностію зайти и на потокъ. Большинство идетъ изъ любопытства, недовѣрчиво, хотя и не забываетъ напиться грязной воды изъ него и положить въ церковную кружку грошъ, да еще кто побойчѣе, пожалуй, распроситъ приставленнаго къ кружкѣ крестьянина: правда ли, что въ водѣ потока видитъ крестъ погрузившейся туда съ народомъ церкви, и правда ли, что вода его исцѣляетъ отъ всѣхъ самыхъ тяжелыхъ болѣзней, сколько народъ кладетъ денегъ въ кружку, добываются ли изъ воды тѣ монеты, которыя туда бросаются богомольцами и т. п. Но есть и такіе посѣтители, которые твердо вѣруютъ въ цѣлебную силу воды потока. Набравъ въ буракъ воды, они моются ею, омываютъ больныя части тѣла, даже обливаются ею, уходя за сосѣдніе кусты. Нѣкоторые сбросивъ съ себя всю одежду и одѣвшись въ новую, старую съ молитвою бросаютъ въ воду, но чаще бросаютъ лишь какую нибудь часть изъ одежды. У кого болитъ голова, бросаютъ платокъ, шапку, подчепишникъ, повязку съ головы, у кого ноги—валенки, башмаки, у кого плохи глаза или лицо некрасиво—маленькое зеркальце: не мало бросаютъ денегъ, вѣроятно, чтобъ жить богаче *). Я нашелъ даже брошенную

*) Постоянно плавающіе по водѣ куски хлѣба составляютъ прекрасное питаніе для всякихъ болотистыхъ насѣкомыхъ.

зачѣмъ-то «наметку», конечно, побывавшую въ Великомъ селѣ.

Старыми и новыми рубахами, платками, валенками и всѣмъ прочимъ заваливается вся поверхность лужи: лучшее изъ брошеннаго вынимается въ удобное время сосѣдними крестьянами: худшее остается и продолжаетъ заражать гнилую воду.

Народъ не помнитъ, когда и зачѣмъ установился ходъ на потокъ, не знаетъ, что именно тутъ священнаго. Напрасный трудъ распрашивать объ этотъ и сосѣднихъ крестьянъ и приходящихъ (иногда изъ далека) богомольцевъ. Крестьяне разскажутъ, пожалуй, невѣроятную исторію о двухъ братьяхъ разбойникахъ, затонувшихъ на мѣстѣ потока: богомольцы разскажутъ о затонувшей церкви и объ исцѣленіяхъ, какія происходятъ даже отъ одного обѣщанія сходить на Потокъ. Замѣчательно что въ Полянскомъ, Глазовскомъ, Слободскомъ, Орловскомъ, Котельническомъ уѣздахъ о потокѣ можно узнать болѣе, чѣмъ живя въ самой Вяткѣ или даже въ одной изъ сосѣднихъ деревень. На крестьянъ этихъ деревень потокъ, кажется не имѣетъ никакого обаянія. Надо думать, что обычай ходить на потокъ весьма древній и можетъ имѣетъ отношеніе къ тому русскому обычаю, о которомъ въ Стоглавѣ сказано: «въ первый понедѣльникъ послѣ Петрова поста въ рощи ходятъ и наливки (стоки дождевой воды) бѣсовскія потѣхи дѣютъ» (Стоглавъ, вопр. 27).

Что касается втораго указаннаго нами выше суевѣрія, о которомъ упоминается въ доношеніи епископа Кипріана, то остатки его живы кое-гдѣ въ губерніи еще до послѣдняго времени *). Въ мѣстной литературѣ **) есть любопытныя описанія семейныхъ праздниковъ, носящихъ названія «куреней братчины или «троецыплятницы», въ совершеніи которыхъ нужно видѣть остатки религіознаго обряда, столь памятнаго въ 1739 г. многимъ семьямъ г. Хлынова.

*) Изъ свѣдѣній Губернскаго Статистическаго Комитета видно, что обрядъ его совершается до сихъ поръ въ Котельническомъ уѣздѣ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что попъ не приглашается и не участвуетъ въ немъ духовенство. Примѣчаніе Редакціи.

**) Вят. Вѣд. 1848 г. № 8 и 1860 г. № 31 и 32. «Описаніе г. Котельнича» Глушкова.—Извѣст. Геогр. Общ.

Приводимъ эти описанія въ подлинникѣ.

«*Троецыплятница* совѣршается вслѣдствіе обѣщанія, даннаго по извѣстному случаю. Напр. въ домѣ мѣщанина или крестьянина кто-либо изъ семейства нездоровъ. Родственники больнаго или самъ онъ обѣщаются исправить мольбу. По выздоровленіи больнаго обѣщанная мольба, рано, поздно ли справляется. Если больной пообѣщался исправить мольбу да померъ, не успѣвъ исправить своего обѣщанія, даннаго Богу, то родственники умершаго принимаютъ его обѣщаніе на себя и, рано ли, поздно ли, непременно исправляютъ обѣщанную имъ мольбу—уже за упокой его души.

«При совершеніи мольбы—Троецыплятницы соблюдаются слѣдующіе обряды: 1) до начала мольбы отыскиваютъ нѣсколько куръ троецыплятницъ (т. е. такихъ, которыя вывели цыплятъ три раза); 2) во время обѣда не употребляютъ ни вилокъ, ни ножей; 3) куръ троецыплятницъ ѣдятъ одинъ только старушки-вдовы и при томъ безъ разговора, молча и 4) во время всего обѣда не бываетъ ни одного мужчины, ни даже дѣтей мужескаго пола.

«Опишемъ подробнѣе это празднованіе. Хозяйка дома, въ которомъ задумали праздновать «Троецыплятницу», сначала дѣлаетъ сборъ въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ;—послѣдніе даютъ сборщицѣ: солода, муки, хмѣля и крупъ. По окончаніи сбора, хозяйка заблаговременно готовитъ пиво къ предстоящему празднику и варитъ его какъ можно больше, чтобы не было въ немъ недостатка. У достаточныхъ людей его бываетъ въ это время отъ 70 до 100 ведеръ и до 20 ведеръ *кануна*, т. е. сусла безъ хмѣля. Въ тотъ день, когда думаютъ полить иконы въ домъ, хозяйка, зазвавъ къ себѣ нѣсколько женщинъ, начинаетъ съ ними общими силами готовить куманья. Приготовленіемъ куръ троецыплятницъ должны заниматься только одни «вдовушки». Кромѣ вдовъ, никто другой, ни изъ мужчинъ, ни изъ женщинъ, не долженъ касаться этихъ куръ. Только колоть ихъ можно давать и даютъ ихъ мальчику, имѣющему не болѣе 8 или 9-ти лѣтъ.

«Перья этихъ куръ и внутренности отнюдь не бросаются.

а, собравъ, складываютъ ихъ въ котомку или корчагу. Печенки, сердечки и пупки (мясистые желудки) кладутъ въ селянку, дѣлаемую изъ яицъ, сбереженныхъ отъ троецыплятницъ. Ощипанныхъ троецыплятницъ складываютъ въ горшокъ и варятъ въ немъ; эти куры назначаются въ кушанье одинъмъ вдовамъ. Варятъ или жарятъ особо и не троецыплятниць для утощенія мужчинъ и женщинъ не-вдовъ. Кромѣ куръ, варятъ еще кашу или кисель, послѣдній только тогда, когда мольба исправляется за умершаго. Прочія приготовленія для утощенія гостей обыкновенны. Между тѣмъ какъ женщины хлопочутъ о приготовленіи яствъ, хозяинъ дома отправляется просить священника со св. иконами (при этомъ должно быть непремѣнно до 12 иконъ). Для несенія св. иконъ вмѣстѣ съ хозяиномъ приходятъ въ церковь его родные, знакомые и вообще тѣ, которые имѣютъ быть на его домашнемъ праздникѣ. Принесенныя иконы ставятся за столомъ въ переднемъ углу комнаты (въ сутяхъ) на лавкахъ, покрытыхъ холстомъ или полотенцами. На столъ, накрытомъ скатертью, ставятся куры, кануиъ и кутья, если мольба приносится за кого нибудь умершихъ. Послѣ молебна, на которомъ произносится ектенія о здравіи семейства, совершается и панихида за умершихъ родныхъ. За тѣмъ отпитывается надъ канупомъ и курами свято, т. е. молитва о приносящихъ, что нибудь подъ благословеніе церковное; при чемъ кануиъ и куры окропляется святой водой. Этимъ оканчивается весь церковный обрядъ, послѣ котораго принесенное подъ свято убирается со стола и самыя иконы уносятся въ церковь. За тѣмъ тотчасъ же приступаютъ къ обѣду, въ которомъ участвуютъ изъ находящихся на лицо гостей только мужчины. По окончаніи обѣда всѣ мужчины удаляются изъ комнаты и въ той же комнатѣ, или въ другой если есть другая, подается обѣдъ для женщинъ. Въ этотъ разъ накрываются два стола, столпце отдѣльно одинъ отъ другаго— одинъ для «вдовушекъ», какъ они сами себя называютъ, другой для остальныхъ женщинъ. Двери комнаты запираются, чтобы кто нибудь изъ мужчинъ нечаянно или съ намѣреніемъ не вошелъ сюда во время обѣда. Даже завѣшиваются тѣ окна,

чрезъ которыя любопытствующій можетъ подмѣтить происходящее въ комнатѣ и тѣмъ нарушить святость устроенной трапезы. Принявши эти предосторожности и приготовивши все къ обѣду, женщины благоговѣйно кладутъ по нѣскольку земныхъ поклоновъ и потомъ садятся за столъ— «вдовушки» за одинъ, а прочія за другой. Садятся, разумѣется, по старшинству лѣтъ или по степени уваженія, какимъ кто изъ нихъ пользуется въ своемъ кружкѣ. Первое, что подается на тотъ и другой столъ,—это пироги съ говядиной. А какъ во время этого обѣда не должно быть употребляемо ни вилокъ, ни ножей, то пироги раздробляются слѣдующимъ образомъ: одна женщина беретъ пирогъ за одинъ конецъ, а другая за другой и такимъ образомъ разламываютъ пирогъ на двѣ половины. Эти половины, какъ и всѣ пироги, сколько ихъ требуется для обѣдающихъ, въ свою очередь, точно также разламываются между другими женщинами. Вслѣдъ за пирогами, тоже на оба стола, подается отваръ изъ троецыплятницъ. Но самыхъ троецыплятницъ подаютъ только на главный столъ, гдѣ обѣдаютъ вдовушки, а на другой столъ подаютъ другихъ куръ—не троецыплятницъ. За тѣмъ подаютъ на тотъ и другой столъ селянку съ внутренностями троецыплятницъ, а потомъ кашу или кисель, чѣмъ и оканчивается этотъ священный (по ихъ выраженію) обѣдъ. За обѣдомъ не подаютъ ни пива, ни вина, а только канунъ, часть котораго была освящена священникомъ чрезъ чтеніе молитвы и кропленіе святой водой. Вставши изъ за стола, опять всѣ благовѣйно молятся въ землю. Надобно замѣтить, что и во время обѣда, послѣ каждой перемѣны яствъ, кладутся обѣдающими земные поклоны. Во все продолженіе стола обѣдающіе сохраняютъ глубокое молчаніе, не произнося въ слухъ ни одного слова, и только про себя творятъ молитву въ подражаніе будто бы той св. трапезѣ, на которой Царица Небесная угощала женъ мироносицъ и не занималася никакимъ разговоромъ, а только слезно воздыхала и молилась въ душѣ за родъ человѣческій. Кости и другіе остатки отъ троецыплятницъ, поданныхъ на столъ, бережно собираются и складываются въ ту же котомку или горшокъ, куда прежде бы-

ли положены отъ этихъ куръ перья и неупотреляемыя въ пищу внутренности. Если есть по близости рѣка или прудъ, то эта котомка или корчага (большой горшокъ), наполненныя остатками отъ троецыплятницъ, съ кемпемъ бросаются въ воду. Если же нѣтъ по близости ни рѣки, ни пруда, то остатки отъ троецыплятницъ скрываются гдѣ нибудь въ полѣ или въ лѣсу, и притомъ въ такое время, когда не можетъ быть свидѣтелей этого дѣла. Такая заботливость о схороненіи остатковъ объясняется тѣмъ, что эти куры, равно и остатки отъ нихъ, въ понятіи женщинъ-простолюдинокъ признаются чѣмъ-то священнымъ, чего не должно бросать гдѣ попало. Вообще надобно замѣтить, что у здѣшнихъ мѣщанокъ и крестьянокъ курица, выведшая три раза цыплятъ, обрекается на закланіе. Если, по случаю ея, не исправляется мольбы, или она не отдается въ другой домъ, гдѣ приготовляются къ мольбѣ, то она непремѣнно приносится подъ свято въ церковь, но не оставляется здѣсь, какъ и другія приношенія, вѣроятно изъ опасенія, чтобъ не досталась въ пищу какому нибудь мужчинѣ, а уносится обратно домой. Почему же курамъ не даютъ выводить цыплятъ болѣе трехъ разъ? Потому что и людямъ не позволяется жениться болѣе трехъ разъ. Почему троецыплятницы должны ѣсть только вдовушки-старушки? Потому что онѣ болѣе достойны этого, какъ не могущія и не помышляющія вступить въ бракъ. Такъ объясняютъ нѣкоторыя изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ женщинъ-вдовъ. Но возвратимся къ тому дню, въ который исправляется мольба. Тѣ изъ гостей мужчинъ и женщинъ, которые были на обѣдѣ, бываютъ и вечеромъ. Но вечеръ, какъ и день, проводится скромно; не пьютъ ни пива, ни вина, а только канунъ. На другой день мольбы гости снова собираются и притомъ со своими пирогами, пѣтухами и деньгами—по гривнѣ или болѣе,—на вино. Въ этотъ день дозволяется употреблять пиво и вино; мужчины и женщины угощаются вмѣстѣ. Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Мольба съ описанными здѣсь обрядами исправляется въ городѣ мѣщанами. У крестьянъ подобныя мольбы совершаются съ нѣкоторыми измѣненіями. Напр. вмѣсто пироговъ у нихъ приготов-

ляются просто хлѣбы средней величины: вдовы и другія женщины обѣдаютъ за однимъ столомъ, хотя первыя считаются главными и необходимыми гостьями на этомъ обѣдѣ: всѣ кушанья, не исключая и троецыплятницъ, равно предлагаются какъ и вдовамъ, такъ и не вдовамъ: обѣдъ для мужчинъ бываетъ послѣ того, какъ кончится обѣдъ женщинъ; день мольбы какъ мужчины, такъ особенно женщины проводятъ весьма набожно и не смотря на то на другой день во многихъ мѣстахъ вовсе не бываетъ пированья. Подобныя мольбы, какъ въ городѣ, такъ и въ деревняхъ, исправляются обыкновенно осенью. Въ сосѣднихъ уѣздахъ, Орловскомъ и Ярапскомъ, эти мольбы неизвѣстны. (Глушковъ. «Описаніе г. Котельнича»).

Домохозяйка, давшая Богу обѣтъ-исправить въ домѣ своемъ молебствіе съ поднятіемъ св. иконъ, приготовляетъ къ этому случаю курицу, которая выводила цыплятъ три раза. Эта курица называется ими троецыплятница. Потомъ собираетъ, ходя по сосѣдямъ, солодъ, муку, хмѣль, яйца и прочее-съѣстное, кто что дастъ, и тогда же приглашаетъ ихъ къ себѣ на моленіе, называемое братчиной, или моленіемъ братскимъ, назначая для сего обыкновенно день Воскресенія. Къ этому дню варятъ «капунъ», въ родѣ пива безъ хмѣля, подслащенный медомъ, а иногда и безъ меду, и пиво. Съ вечера назначеннаго дня, въ субботу, собираются сосѣднія вдовушки для приготовленія троецыплятницы, которую готовить другимъ, по обычаю ихъ, не дозволяется. Тогда одинъ изъ семейства, пришедши къ священнику, проситъ у него благословеніе на колотье завѣтной курицы, говоря: «Батюшка! благослови колоть курицу». Колоть же ее должепъ мальчикъ 8 или 9 лѣтъ. Очистивъ курицу, варятъ въ бульенѣ, а къ столу крошатъ въ оный печеныя яйца. Въ Воскресеніе, послѣ обѣдни, поднявши икопъ въ домъ, исправляетъ молебствіе, при которомъ бываютъ всѣ приглашенные на праздникъ: послѣ молебна, проводивши икопъ, остаются всѣ обѣдать: къ столу приглашается всегда священникъ съ причтомъ: Сперва обѣдаютъ одни мужчины; имъ подается вино и пиво и всѣ кушанья, исключая троецыплятницы, которую, по обыкновенію ихъ, должны быть одни женщины. Пос-

лѣ стола мужчины вскорѣ уходятъ: женщины оставшись одни, высылаютъ изъ комнаты дѣвицъ и дѣтей, кои по мнѣнію ихъ, не должны участвовать въ таинственной ихъ трапезѣ, и запираютъ двѣри. Потомъ затепливъ предъ иконами свѣчу, и помолившись Богу садятся обѣдать за два стола: за первый старыя, а за другой молодыя женщины, и съ благоговѣніемъ продолжаютъ трапезу свою, не употребляя за ней ни вина, ни пива. За первымъ столомъ занимаетъ первое мѣсто обыкновенно старшая лѣтами, особенно вдова. Она отломивъ голову троецыплятницы, передаетъ ее другимъ, а тѣ другъ другу, ломая на части руками, ибо по мнѣнію ихъ грѣхъ употреблять въ то время ножи и вилки. Пообѣдавши молятся Богу, и погасивъ свѣчу предъ иконами, моютъ руки и уста водою, послѣ выливаютъ ее, какъ бы святую, въ чистое мѣсто, но чаще на передній уголъ наружныхъ стѣнъ избы или дома. Наконецъ старшая лѣтами собравши кости троецыплятницы и положа ихъ въ сосудъ, ставятъ его съ благоговѣніемъ на свою голову и проносятъ его по комнатѣ взадъ и впередъ; послѣ ее также носитъ каждая изъ нихъ по очереди. По окончаніи сего обряда хозяйка вынувши изъ сосуда кости и завернувъ ихъ чистую скатерку, прячетъ. Потомъ просятъ гостей «кануномъ», который пьютъ передавая сосудъ съ нимъ другъ другу: на послѣдокъ расходятся. Въ этотъ же день, вечеромъ, тайно отъ другихъ, хозяйка пускаетъ скатерть съ костями на воду, ежели близко рѣка или прудъ: въ противномъ случаѣ закапываетъ ихъ въ землю, по омъ молится Богу, говоря: «Господи! пріими нашу молитву и благослови домъ нашъ». На другой день гости собираются къ ней вторично нарочито уже для угощенія, неся съ собою дома приготовленное ими для себя кушанье. Тогда пьютъ пиво и вино и веселятся кто какъ можетъ по своему обыкновенію. Такимъ образомъ заканчивается этотъ обрядъ, который дается по особеннымъ какимъ либо случаямъ и исправляется постоянно осенью и притомъ непремѣнно, такъ, что ежели давшая его не могла исполнить по какому либо случаю, то при смерти своей завѣщаетъ исполнить оный своей дочери. Обрядъ съ какимъ онъ бываетъ троецыплятницу по-

читается ими даже священнымъ, ибо ему приписывается какая то чудодѣйственная сила, что видно изъ слѣдующаго разсказа: «одинъ любопытный, желая видѣть совершеніе обряда сего, скрылся гдѣ то въ комнатѣ ихъ, но въ то самое время, какъ хотѣлъ взглянуть на оный—ослѣпъ» Вотъ какъ, по ихъ мнѣнію, наказываетъ Богъ дерзающихъ смотрѣть на таинственную трапезу». (Вят. Губ. Вѣд. 1848 г., 8. Бажинъ).

«У крестьянъ Орловскаго уѣзда есть одинъ, очень замѣчательный по своей странности, семейный праздникъ. Это—исправленіе *курячей братчины* Домашнія несчастія, болѣзнь семейныхъ лицъ, преимущественно же тяжелые роды вызываютъ крестьянъ дать обѣщаніе исправить курячью братчину. Подобный обѣтъ считается до того священнымъ, что если бы пообѣщавшійся почему либо не могъ или не успѣлъ самъ исправить братчины, то въ случаѣ болѣзни и на смертномъ одрѣ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ непремѣнно исполнить обѣтъ при первой возможности послѣ погребенія. Праздникъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Намѣревающійся исправить братчину извѣщаетъ о томъ кого нужно изъ сосѣдей и родственниковъ, собираетъ съ нихъ при этомъ пѣтуховъ, курицъ и яица, хмѣль, солодъ и проч. (отъ чего и самый праздникъ называется братчиною) и назначая день празднованія, проситъ прибыть къ нему въ это время въ гости. Празднованіе не ограничивается однимъ днемъ

«Первый и главный день принадлежитъ собственно женщинамъ, въ числѣ которыхъ должны быть по крайней мѣрѣ три вдовы, а если можно, то и повивальныя бабы. Главнымъ предметомъ угощенія служатъ въ этотъ день курицы и важнѣйшее значеніе имѣютъ тѣ изъ нихъ, которыя уже высидѣли трижды цыплятъ и потому называются *«Трочипленичами»*. За отсутствіемъ вдовъ и за неимѣніемъ троечипленичъ нельзя и праздновать братчины. У нѣкоторыхъ крестьянъ заранѣе опредѣляется, сколько именно должно быть приготовлено къ столу троечипленичъ, двоечипленичъ и одночипленичъ. Утромъ, въ назначенный для отправленія братчины день, хозяинъ колетъ курицъ и пѣтуховъ, приготовленіе же ихъ къ обѣду предостав-

ляется старшимъ вдовамъ, а иногда повивальнымъ бабамъ (тѣ и другія являются въ домъ хозяевъ нарочно ранѣе), какъ болѣе опытнымъ и знающимъ преданія старины. Эти стряпухи считаютъ непремѣнною обязанностію кровь и перья заколотыхъ курицъ отнести на рѣчку или ручей, а на троецыплятницъ навязать значки, чтобы не смѣшать ихъ съ другими. Между тѣмъ хозяинъ со своими домашними женщинами, а иногда и съ гостьями, отправляется просить приходскаго священника отслужить молебенъ въ церкви или въ домѣ—и, между прочими святыми, непремѣнно женамъ Мироносицамъ.

Все это только приступъ къ празднованію—къ исправленію братчины.

«По возвращеніи изъ церкви, или по отправленіи иконъ и по уходѣ священника, если молебенъ былъ на дому, остаются въ избѣ одни женщины, запираютъ дверь, приготовляютъ столъ, еще молятся, затепливъ свѣчи передъ домашними иконами и наконецъ садятся обѣдать старшія впередъ, младшія ниже. Въ такомъ только случаѣ, если обѣщаніе исправить эту братчину дано самимъ хозяиномъ, позволяютъ остаться въ избѣ и ему, однако же не безъ предосторожностей: его садятъ или на первое мѣсто за столомъ, или отдѣльно къ судницѣ или залавку, находящемуся у печки, закрываютъ съ головы платкомъ или скатертью, чтобы онъ ничего происходящаго въ избѣ не могъ видѣть. Обѣдъ начинается тѣмъ, что каждая женщина вынимаетъ изъ кармана или изъ-за пазухи яйцо, разбиваетъ его и съѣдаетъ. Потомъ ставятъ на столъ троечипленичь, которыхъ раздробляютъ и съѣдаютъ съ особеннымъ благоговѣніемъ, затѣмъ подаютъ прочихъ курицъ, смотря по достоинству ихъ въ отношеніи вывода цыплятъ, наконецъ ставятъ кашу и тѣмъ оканчивается обѣдъ. Хозяину подаютъ только пѣтуха и кашу. Во все продолженіе обѣда соблюдаютъ глубокое молчаніе, не пьютъ ни пива, ни вина. По окончаніи обѣда съ хозяина снимаютъ покрывало, тщательно собираютъ всѣ кости отъ курицъ, складываютъ ихъ въ посуду, молятся, отпираютъ дверь и старшая изъ присутствующихъ беретъ посуду съ костями, покрываетъ ее и, въ сопровожденіи всѣхъ прочихъ жен-

щинъ, отправляется изъ избы хоронить остатки въ нарочно приготовленной для того ямѣ въ полѣ или на хозяйскомъ гумнѣ: эти остатки иногда опускаются въ рѣчку или ручей, если они есть вблизи. Вся эта процессія исполняется также съ благоговѣйнымъ молчаніемъ. По возвращеніи въ избу еще молятся и тѣмъ оканчивается первый день праздника. Нѣкоторыя званыя гостьи расходятся по домамъ, а иныя остаются ночевать у хозяевъ.

На другой день тѣже гостьи пріѣзжаютъ или приходятъ къ хозяевамъ братчины вмѣстѣ съ мужьями (у которыхъ они есть), привозятъ съ собой разнаго рода стряпни и пива. Въ этотъ день столованіе у женщинъ уже общее съ мущинами: всѣ пользуются одинаковыми кушаньями пивомъ и виномъ. Таинственные обряды и благоговѣйное молчаніе перваго дня, во второй день замѣняются веселыми разговорами, пѣніемъ и пляскою». (Вят. Губ. Вѣд. 1860 г. № 31).

Мы не разъ пытались путемъ разспросовъ провѣрить приведенныя описанія и если возможно, дополнить ихъ, но всѣ наши стараніл оказались напрасными: въ Котельничѣ или совсѣмъ забыли о троецыленицѣ, или помнятъ ее только по имени. Обрядъ вымираетъ вмѣстѣ со стариками и вмѣстѣ со всею стариною, медленно, но надежно. Молодежь уже научилась на многое смотрѣть свысока.

Попытки наши объяснить первоначальный смыслъ описываемаго обряда были неудачны. Ни въ описаніи обрядовъ старинныхъ, ни въ описаніи обрядовъ другихъ мѣстностей мы не нашли ничего подобнаго нашей «троецыленицѣ». Съ нѣкоторымъ основаніемъ можно лишь предположить, что этотъ обрядъ не заимствованъ у инородцевъ и что его начало идетъ изъ далекой старины (еще въ 1739 г. про него говорили, что онъ ведется изстари). Не есть ли это остатки культа Родовъ и Рожаницъ?

Дополненіе къ «Каталогу древностей Вятскаго края» *).

Въ «Дополненіе» входятъ указанія на археологическій матеріалъ, собранный за послѣдніе два года въ «Вятскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», въ «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ статьяхъ г. Малахова: «Къ антропологіи вятскаго края» (въ Извѣстіяхъ Геогр. Общ. т. XVIII) и «Вятскія древности (Журн. М. Н. Пр. ч. CCXXII); въ статьѣ г. Иванова: «Доисторическіе слѣды человѣка въ сѣверо-восточной окраинѣ Вятской губер.» (Труды Каз. Общ. Естеств. т. X и въ Вятск. Вѣдом. 1882 г., № 52 и 53); кромѣ того сюда вошли археологическія свѣдѣнія, собранныя Статистическимъ Комитетомъ отъ церковныхъ причтовъ, и свѣдѣнія, добытыя нами при помощи разспросовъ и поѣздокъ. Намъ остается неизвѣстнымъ археологическій матеріалъ, заключающійся въ «Извѣстіяхъ Казанскаго общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи», по той простой причинѣ, что мы не могли найти этихъ «извѣстій» въ Вяткѣ, а попытки получить ихъ изъ Казани остались до сихъ поръ безуспѣшными.

Курганы.

1) Довольно высокій, конусообразный, на половину смытый разбойный «отвалъ» находится близъ Нестковскаго завода. Здѣсь предполагается старая шахта. Вят. Вѣд. 1883, 79.

2) Два кургана въ ½ в. отъ с. Тихоньскаго. На курганѣ уже были изслѣдователи.

3) Курганъ находится къ западу отъ дер. Бодьи, Малмыжскаго уѣзда, Сюмсинской волости.

4) Курганъ находится около с. Кузнецовскаго, Уржумскаго уѣзда. При распахиваніи кургана находили какіе-то «кирпичики».

5) Курганъ у с. Галицкаго, на которомъ по преданію останавливался Іоаннъ Грозный во время похода на Казань.

6) и 7) Два кургана существуютъ въ Окатьевскомъ приходѣ при дер. Поповщинской (въ логу, на горномъ мѣстѣ.

*) Напечатанъ въ «Вятскомъ Календарѣ» на 1882 г.

высотою саж. 4) и при поч. Терешичей. Послѣдній совершенно срытъ кладоискателями. Вят. Вѣд. 1883, 57.

8) Курганъ близъ дер. Болгуры (въ 15 в. отъ с. Перевозинскаго). Малаховъ 25.

9) и 10) Два кургана находятся между дер. Перекоповымъ и Рѣшетниковымъ, около с. Старая Тушка, Малмыжскаго уѣзда.

Городища.

1) Сынище въ формѣ городища находится при впаденіи Березовки въ Ивицу, длиною саж. 5. По преданію на городищѣ былъ монастырь. Кладоискатели отрыли слѣды стѣны.

2) Городище на высокомъ пригоркѣ въ 10 в. отъ с. Чепецко-Ильинскаго. Верхъ пригорка по краямъ обведенъ земляным валомъ и канавой. Преданія о богатырях.

3) Валъ «Обга-коръ» въ 8 вер. отъ с. Люмскаго.

4) Такой же валъ въ 10 в. отъ с. Люмскаго, «Уцко-коръ».

5) Чудское городище «Шудя-коръ» въ 3 в. отъ с. Звездина. На городищѣ находили серебряныя монеты и земледѣльческія орудія.

6) Валы и рвы находятся въ ½ в. отъ Икскаго устья.

7) Городище между дер. Паниковициной и Владимірской часовней въ Окатьевскомъ приходѣ надъ отъѣзднымъ берегомъ Моломы. Городище огружено тремя валами и рвами. Любопытно, что эти рвы наполнялись водою изъ сосѣдняго пруда, чего въ другихъ извѣстныхъ вятскихъ городищахъ еще не замѣчалось Вят. Вѣд. 1883, 57.

8) Городище въ Малой Чегандѣ. Находили мѣдныя вещи: особенно интересныя изъ нихъ—кружекъ съ перелистомъ.

9) Изрытое городище (?) у с. Лобань.

10) Городище у с. Колесниково на Камѣ. Отлично видно съ дороги. Валъ саж. 20 съ проходомъ по срединѣ. Насыпанъ небрежно, на скорую руку. Площадь городища спускается очень круто въ оврагъ. Съ городища прекрасный видъ.

11) По преданію, на мѣстѣ Филейской часовни около Вятки, было раньше городище.

12) Городище г. Орлова, описанное въ Вят. Вѣд. 1882, 62. На городищѣ находили кости и черепа.

13) По разсказамъ старыхъ людей, въ урочищѣ Слартѣ, Малмыжскаго уѣзда, Сюмсинской волости близъ с. Водзи-Шудзи былъ вотскій городъ съ крѣпостью и валомъ (городище?).

14) Городище находится при устьѣ рѣки Вятки у дер. Шарафань (?). Видно съ парохода очень ясно. Сообщ.

15) Полуобвалившееся городище находится нѣсколько ниже с. Подрелья.

Древнія церкви и часовни.

1) Въ «широкую субботу», чрезъ недѣлю послѣ свистопляски, бываетъ значительное стеченіе окрестнаго народа къ Гарцинской часовнѣ. Празднуется «широкая суббота» точно также, какъ и свистунья. Народъ этимъ праздникомъ чтитъ память какихъ-то богатырей, которые будто бы погребены подъ часовнею. Свѣдѣнія о часовнѣ и раскопкахъ при ней въ Вят. Вѣд. 1883, 77.

2) Часовня носящая названіе «на Балчугѣ».

Иконы и другія церковныя древности.

Почитаемыя иконы въ сл. *Кукаркѣ:* 1) Образъ Іоанна Предтечи въ Покровской церкви, съ которымъ наканунѣ Троицына дня бываетъ крестный ходъ; 29 августа на поклоненіе иконѣ стекается изъ окрестныхъ мѣстъ много народу. На немъ надпись: «украшенъ сей образъ за благословеніемъ Преосвященнаго Архипастыря Лаврентія, епископа вятскаго и великопермскаго, стараніемъ іерея Максима Аврамовыхъ и доброхотныхъ подателей 1794 года. Поновленъ». Изъ подписи на Минеяхъ служебныхъ видно, что икона почиталась еще до 1714 г. 2) Образъ Николая Можайскаго, деревянный рѣзной тамъ же. Остались отъ бывшаго Покровскаго монастыря, на воротахъ котораго и была особая деревянная церковь во имя св. Николая. Церковь эта сгорѣла въ 1774 г. и вмѣсто нея къ притвору Покровской церкви былъ прикладенъ каменный придѣлъ, съ особымъ куполомъ на столбахъ, но этотъ придѣлъ въ 30

годахъ былъ сломанъ. 3) Образъ Смоленской Божіей Матери, въ соборѣ. Принесенъ изъ Казани между 1750—60 г.г. съ иконою бываетъ ходъ въ часовню Лядовскую.

Разсказъ о явленіи иконы въ с. Окатьевскомъ въ Вят. Вѣд. 1883, 57.

Деревянныхъ крестовъ: а) въ часовнѣ Воскресенской Гари, сажени 1½ вышиною и б) въ часовнѣ при Кукарскомъ соборѣ, около 2 саженъ; на немъ надпись: «построенъ иждивеніемъ Симеона Глушкова», безъ означенія года.—Крестъ Гаринской часовни описанъ въ Вят. Вѣд. 1883. 77. Надписи на немъ: «поставихъ крестъ Сем. Яковлевъ сынъ Шиховъ», «писалъ крестъ Өедоръ Борисовъ сынъ Ростовецъ», годъ сооруженія креста 1616.

Акты и рукописи.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ Вятскій Статистическій Комитетъ, древніе акты находятся при слѣдующихъ церквахъ: 1) въ с. Вожгальскомъ, 2) Рябиновскомъ, 3) Цыкинскомъ, 4) Ржанополомскомъ, 5) Се[illegible]невскомъ, 6) Мудровскомъ Слободскаго уѣзда, 7) Сырьянскомъ (Слоб. уѣз.), 8) и Всесвятскомъ Слоб. уѣзда, кажется также въ Кырмыжскомъ и въ с. Куменахъ. Были напечатаны акты: 1) въ Вят. Вѣдом. 1883 г. № 84—87 документы о Хлыновскомъ пожарѣ 1634 года. 2) указъ 1733 г. о предосторожностяхъ отъ разбойнич. шайки, Вятск. Вѣд. 1882. 12. 3) документы, касающіеся Пугачевскаго бунта. Вят. Вѣд. 1882, 13, 14.

Изъ рукописей въ нашихъ рукахъ находятся: 1) рукописная всеобщая исторія, половины XVIII в., 200 стр. in 4°; 2) сборникъ того же времени, въ которомъ помѣщены: отрывки изъ библіи (съ надписью Leons Karpinskij), печатные манифесты, житіе Петра и Февроніи Муромскихъ чудотворцевъ (принадлежалъ муромскому посадскому человѣку Вас. Дудину); 3) чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго, переписанный съ печатнаго экземпляра 1725 г.; 4) реестръ указамъ съ 1714 по 1729 г., переписанный въ 1755 г.; 5) инструкціи благочиннымъ іереямъ изданы вышняго столпца; 6) ода Императ.

Екатеринѣ, съ нотами; 7) соборное дѣяніе на еретика армени-на Мартина 1157 г.; 8) книга объ обрѣтеніи мощей Дмитрія Ростовскаго и о его сочиненіяхъ; 9) арифметика практика и при ней задачникъ XVIII в.; 10) выписка изъ Прибавленій къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ о кончинѣ Импер. Елизаветы Петровны; 11) бесѣда отца съ сыномъ о женстей злобѣ и сыновней добротѣ XVIII в.; 12) мѣсяцесловъ съ сентября по іюнь XVIII в.; 13) рукописная Священная исторія Новаго завѣта XVIII в.; 14) «Наука счастливымъ быть», переписанная Стефаномъ Перфильевымъ начала нынѣшняго столѣтія; 15) Синаксарникъ, принадлежавшій хлыновскому посадскому Матвѣю Урванцеву, прошлаго столѣтія; 16) лѣтопись, имѣющая характеръ «Степенной книги» или «Синопсиса»; 17) хронографъ XVIII в. находится у А. А. Прозорова; 18) Книга казанскаго уѣзда Алацкой дороги дворцовой церкви каменное строеніе Преображенія съ придѣломъ чудотворнаго образа Смоленской Божіей Матери 1761 г.; въ ней заключается между прочимъ перепись всего прихода и перечисленіе вкладовъ прихожанъ на церковное строеніе; находится въ Кукарской Покровской церкви; 19) сборная книжка 1777 г. на построеніе при Покровской церкви придѣла, 40 листовъ, находится тамъ же; 20) синодикъ 1749 г., 25 листовъ, въ Кукарской соборной церкви; 21) въ библіотекѣ Вятскаго Статистическаго Комитета хранится рукопись «Оды и канты», сочиненные учениками Вятской Семинаріи по случаю открытія намѣстничества.

Дополненія къ другимъ отдѣламъ «Каталога».

Любопытныя въ различныхъ отношеніяхъ мѣстности: 1) въ Зюздинскомъ краѣ есть двѣ высоты Зуй-карь, на которыхъ жили два брата; находятъ рѣдкія вещицы; 2) на луговой сторонѣ Вятки противъ Котельнича существуетъ «Марьева веретья»; здѣсь были разбойничьи пещеры, полныя оружія; 3) въ с. Русско-Шойскомъ, Уржумскаго уѣзда, были провалы; 4) любопытенъ длинный рядъ проваловъ по Яранскому уѣзду, особенно близъ дер. Чимбулатъ, гдѣ насчитываютъ до ста «ямъ»; провалы образовались отъ просачиванія въ каменистую почву воды;

5) въ Прокопьевскомъ приходѣ Слободскаго уѣзда находится инородческое пепелище: 6) любопытная по преданіямъ гора находится близъ дерев. Большой Богатырской около Глазова (Малаховъ, антропол. стр. 29).

Находки разнаго рода были въ с. Лопьялѣ и въ «Богатырскомъ логу» около Челновъ.—Г. Бобровъ близъ с. Даровскаго Котельническаго уѣзда нашелъ челюсть мамонта, часть которой, попавшая къ моему знакомому, вѣсила болѣе 4-хъ пудовъ.—Крестьянинъ Земляновъ нашелъ близъ с. Котловки въ полѣ два мамонтовые зуба, въ 12 и 18 фун. вѣсомъ. Въ 3-хъ верстахъ отъ того же села найдены два бивня мамонта, по 5 пудовъ въ каждомъ (Вят. Вѣд. 1883. 64). Въ дер. Тупгусовской Окатьевскаго прихода находятся остатки древняго жительства (Вят. Вѣд. 1883. 57).—Много разнообразныхъ каменныхъ орудій извѣстны священнику с. Окатьевскаго, который и описываетъ ихъ въ Вят. Вѣд. 1883, 57.—Въ Вят. Вѣд. 1883, 49 сообщается объ археологическихъ находкахъ въ Порѣзской волости Глазовскаго уѣзда, которыя были отправлены въ Археологическую Коммисію. Находки эти: крученое шейное кольцо вѣсомъ въ 50 зол., перстень, пряжки въ формѣ коней, сережки, монеты, бляхи.

Статья о кладахъ въ Орловскомъ уѣздѣ Вятск. Вѣдом. 1883, 12.

Кладъ состоящій изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ и найденный въ с. Кобрѣ, описанъ въ Вят. Вѣд. 1847, 31. Въ 1872 году найденъ въ Глазовскомъ уѣздѣ кладовой камень временъ Пугачева, который и описанъ въ Вят. Вѣдом. 1872, 79.—Находки чудскихъ вещей были въ полѣ дер. Лагуновой, Нечкинской волости (Малах. 25).—Чудское поселеніе и «чудская» гора находятся у Бисерова и за с. Егорьевскимъ на правомъ берегу Камы (Малах. 25).—Дер. Новоселовская въ приходѣ с. Гостева около Котельнича, по клировымъ свѣдѣніямъ, носитъ названіе: «дер. Новоселовская что было побоище казаринское». Въ селѣ имѣется престолъ о благополучномъ исходѣ битвы. – Черемисское пепелище «атамановы кости» находится близъ с. Черемисскій Малмыжъ. О немъ статья г. Ку-

знецова въ Вят. Вѣд. 1882. 49—51 (перепечатана).—Находки каменныхъ орудій были въ окрестностяхъ с. Гордина (Ивановъ).—О костяномъ полѣ въ верховьяхъ Камы см. у г. Иванова.—Въ 4½ в. отъ Сергина на верховьяхъ Камы виднѣются въ полѣ ямы полунаполненныя водою; въ этихъ ямахъ скрылась чудь отъ русскихъ (Ивановъ).

Кладъ, состоящій изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ времени Алексѣя Михайловича, Михаила Ѳедоровича и Василія Ивановича, найденъ вблизи г. Вятки въ рѣчкѣ Хлыновкѣ въ 1884 г. Вят. Вѣд. 1884, 56.

Въ Рыбноватажской волости Малмыжскаго уѣзда по выше р. Лобани около «Каменнаго перебора» находятся какія-то подземелья, въ которыхъ по народной молвѣ жили разбойники временъ Стеньки Разина. Здѣсь, какъ и въ деревнѣ той же волости Водзи-Шудзи, находятъ въ большомъ количествѣ остатки стараго вооруженія.

Описаніе братыни, принадлежащей О. И. Рязанцеву, см. въ Вят. Вѣд. 1884, 79.

Пещеру, находящуюся вблизи Вятскихъ Полянъ, легко замѣтить съ парохода: входъ въ нее расположенъ нѣсколько выше половины крутаго берега. «Пещера Чертова печь» находится у дер. Зараменье по дорогѣ изъ Кукарки въ Яранскъ, въ высокомъ опоковомъ обрывѣ. Входъ въ пещеру приблизительно въ аршинъ длиною и въ ½ арш. вышиною, неправильной формы, сырой. Среди мѣстнаго населенія существуютъ о пещерѣ различные разсказы.—Пещера есть гдѣ-то около с. Каракулина въ мѣстности «Орѣшники» и еще около с. Вишкиля Котельническаго уѣзда.

Приложеніе къ каталогу древностей.

Камень Чимбулатъ.

Въ своемъ перечисленіи черемисскихъ боговъ (кереметь, немдеку уку, ямшеперъ, кюбаръ) миссіонеры вторымъ по значенію ставили «бѣса» Чимбулата. Моленія этому богу яранскіе

черемисы устраивали на такомъ мѣстѣ, которое какъ-бы самою природою назначено для храма. Холмистыя окресности Кукарки то и дѣло прерываются длинными, узкими долинами, которыя не трудно было прорыть полноводнымъ рѣчкамъ въ слабомъ песчаникѣ и известнякѣ. Но сильныя въ своемъ разрушительномъ дѣйствіи рѣчки смиренно миновали тѣ огромные холмы и утесы, которые состояли изъ твердаго, несокрушимаго дикаго камня. То мощнымъ полукругомъ, то острымъ угломъ смѣло врѣзываются они въ рѣчныя долины, или тѣсной толпой окружаютъ ихъ на всемъ протяженіи. Особенно живописенъ и величественъ тотъ утесъ, который стоитъ въ долинѣ рѣки Немды у дер. Чимбулатъ. Поразителенъ видъ утеса, если смотрѣть на него снизу, но еще величественнѣе видъ на окрестности съ его высоты, съ самаго конца его остраго, какъ клинъ, выступа. Много величія придаетъ мѣстности обрывистая глубокая пропасть, идущая съ лѣвой стороны утеса. Дно этой пропасти огромными каменистыми ступенями поднимается вверхъ и сливается съ полемъ: весной здѣсь бѣжитъ шумный ручей. Какая картина открывалась съ верху утеса въ старину, когда взоръ путника могъ успокоиться на зелени огромныхъ лѣсовъ! Мѣстность такъ располагаетъ къ молитвенному созерцанію, что старые властители края, черемисы, измѣняя своему обычаю, создали здѣсь что-то въ родѣ храма, «камень вышиною 11, толщиною 36 аршинъ»: сложенъ онъ былъ изъ огромныхъ камней, часть которыхъ и теперь безпорядочно разбросана по склону горы, свидѣтельствуя, что постройка мольбища стоила усерднымъ язычникамъ не малыхъ трудовъ; о томъ же свидѣтельствуютъ и слѣды неширокой лѣстницы, выбитой на камнѣ, по которой прямо съ утеса можно было спуститься внизъ. Дорогъ былъ черемисамъ «камень», но имъ они, покоряясь неизбѣжной судьбѣ, подступились смѣлому пришельцу, теперь ихъ не встрѣтишь на цѣлые десятки верстъ въ окружности, и такъ давно удалились они отсюда, что по увѣренію мѣстныхъ крестьянъ здѣсь ихъ никогда и не бывало. Ушли, но не забыли своего бога. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія поклонники Чимбулата въ большомъ количествѣ сходились на старое мольбище

и приносили здѣсь свои жертвы, пока духовныя власти не увидѣли, что существованіе стараго почитаемаго «камня» много мѣшаетъ распространенію среди язычниковъ православія, и не рѣшились прибѣгнуть для его уничтоженія къ свѣтской власти. Посылая въ 1830 г. къ черемисамъ миссіонера Покровскаго, митрополитъ Филаретъ просилъ вятскаго губернатора распорядиться разрушеніемъ камня Чимбулата, «дабы вразумить ихъ о ничтожности сего мнимаго божества» *). Камень былъ разрушенъ, съ немалымъ трудомъ, осенью того же года по окончаніи полевыхъ работъ ярапскимъ исправникомъ. Мѣстные крестьяне разсказываютъ, что взорвать камень порохомъ не рѣшились, а разрушили его тѣми ломами, которыя въ этой мѣстности употребляются для обработки камня.

Сохранилась ли у черемисъ хотя слабая память о мольбищѣ бога чимбулата? Кажется, да. Еще не такъ давно одинъ крестьянинъ, покорыствовавшись на небольшое вознагражденіе, приводилъ сюда издалека черемисина. Это былъ, вѣроятно, послѣдній черемисинъ, полный вѣры въ боговъ своего народа и попавшій сюда не ради праздпаго любопытства. Боязливо совершилъ онъ свое моленіе и удалился, оставя на камняхъ свѣчи и медъ; весело справилъ этимъ медомъ крестьянинъ поминки по язычествѣ.

Часовня Маріи Убіенной.

Стеченіе народа въ первую субботу по пятидесятницѣ въ окрестностяхъ Кукарки къ часовнѣ «Маріи Убіенной» бываетъ чрезвычайно многолюдно. Говорятъ, что сюда изъ окрестныхъ уѣздовъ и даже изъ сосѣднихъ губерній собирается до 10—15 тысячъ богомольцевъ, между которыми не малое количество инородцевъ. Начало почитанія Маріи Убіенной относится къ сравнительно недавнему времени: въ томъ убѣждаютъ и слышанные нами въ различныхъ мѣстахъ губерніи разсказы и нѣкоторыя письменныя свидѣтельства. Кукарскіе крестьяне говорятъ, что богомольцы стали стекаться къ часов-

*) Смотр. Столѣтіе Вят. губ. Лѣтопись.

нѣ не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, и этому свидѣтельству нѣтъ основанія не вѣрить.

Какимъ образомъ установился самый ходъ, найти точныя указанія тому трудно, а въ народѣ объ этомъ существуютъ самыя неопредѣленныя свѣдѣнія. Можно отмѣтить три редакціи разсказовъ о Маріи Убіенной.

1) Кукарскіе священники въ 1838 г. доносили, что часовня поставлена на мѣстѣ бывшаго тутъ въ старину «убогаго дома», въ которомъ проводили остатокъ жизни старые и увѣчные люди. Разъ на этотъ домъ напали черемисы, избили всѣхъ жившихъ тамъ, между прочимъ и священника, бывшаго въ полномъ облаченіи. Христіане поставили надъ тѣлами убитыхъ часовню, гдѣ и служили по нимъ панихиды. Собственно о Маріи Убіенной причтъ не сообщилъ никакихъ свѣдѣній. Священникъ доносилъ, что въ часовнѣ служатся панихиды по какой-то Маріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ, что панихиды служатся не по ней одной.

2) По наиболѣе распространеннымъ народнымъ разсказамъ Марія Убіенная была новокрещенная черемиска. За свою привязанность къ христіанству она была убита свекровью во время мытья бѣлья (черемисы моютъ бѣлье при рѣчкѣ въ колодахъ пестами). Свекровь положила тѣло въ колоду, которую водою Пижмы и принесло къ тому самому мѣсту, гдѣ былъ разрушенный черемисами богадѣленный домъ. Тѣло Маріи было погребено на костяхъ избитыхъ тогда христіанъ. Вскорѣ Марія Убіенная стала являться благочестивымъ людямъ во снѣ и просить ихъ помолиться за себя. Совершавшіе эти панихиды замѣтили, что песокъ, взятый съ мѣста погребенія Маріи исцѣляетъ отъ болѣзней. Молва объ этомъ распространилась, и постепенно въ часовнѣ установилось ежегодное стеченіе богомольцевъ. Занесенный въ печать *) народный разсказъ о томъ, что Марія Убіенная до несчастной смерти своей жила въ убогомъ домѣ и служила старцамъ, носитъ въ себѣ слѣды позднѣйшаго происхожденія.

*) Вят. Губ. Вѣд. 1861, 40.

3) Другой народный разсказъ гласитъ, что у Маріи Убіенной была злая свекровь, которая разъ заставила ее сварить кашу, не давъ ей крупы. Испуганная женщина поставила въ печь изрубленную солому, и каша, къ удивленію, сварилась. Считая это колдовствомъ, свекровь убила Марію. Но вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она была скрыта свекровью въ лѣсу, сталъ блудиться скотъ. Обративъ на это вниманіе, стали доискиваться истины. Свекровь призналась въ убійствѣ. Чтобы скотъ пересталъ блудиться, догадались служить по Маріи панихиды, потомъ построили часовню. На могилѣ Убіенной стали совершаться исцѣленія, слухъ о которыхъ и привлекъ богомольцевъ.

Существуетъ еще одинъ разсказъ, по которому свекровь убила Марію за то, что та съѣла у нея кашу.

Богомольцы, пройдя чрезъ Кукарку, обойдя по возможности всѣ церкви слободы и не забывъ помолиться предъ огромнымъ деревяннымъ крестомъ, стоящимъ въ особой часовнѣ при соборѣ, зайдя на кладбище поклониться могилѣ старца Никона, спѣшатъ въ с. Лядово къ обѣднѣ, а потомъ въ часовню Убіенной. Часовня небольшая, деревянная, но помѣстительная; вокругъ нея заборъ, за которымъ виднѣются молодыя деревца и большая сосна, одна изъ оставшихся отъ окружавшаго когда то часовню лѣса. Внутри часовни нѣтъ никакихъ украшеній; образа, по обыкновенію, старые, перенесенные сюда изъ Кукарскаго собора за избыткомъ или, пожалуй, за ненадобностью. Въ часовнѣ служатъ панихиды. Подъ часовнею находится «пещера», конечно, самое любопытное мѣсто въ Лядовѣ, какъ для богомольца, такъ и для всякаго любопытствующаго посѣтителя. Здѣсь предполагается могила Маріи Убіенной. Здѣсь продаютъ свѣчи, принимаютъ отъ богомольцевъ всякія приношенія: масло, яйца, блины. Блины принимаются впрочемъ не охотно, отъ каши вовсе отказываются. Среди пещеры на столбѣ, подпирающемъ полъ часовни, виситъ икона, вѣроятно, Маріи Магдалины, а предъ нею десятками свѣчей блеститъ лампада. Часть каменнаго пола подъ иконою приприподнята; въ этомъ мѣстѣ народъ торопливо разрываетъ песчаную землю, утирается ею, треть ею больныя мѣста, мо-

жеть быть, береть про запась. Толкотня и давка бываютъ страшныя. За оградой часовни продаютъ брагу, квасъ, орѣхи, пряники. Вплоть до села протягиваются въ нѣсколько рядовъ лавки съ самыми разнообразными сельскими товарами—это Лядовская ярмарка. Тутъ можно увидѣть оригинальные типы и наряды черемисокъ, всему удивляющихся и, въ свою очередь, возбуждающихъ удивленіе.

Часовня Маріи Убіенной имѣетъ свою исторію *). Въ 1834 г. Яранскій исправникъ обратилъ вниманіе на крестный ходъ изъ Кукарскаго собора къ этой часовнѣ, вѣроятно, начинавшій тогда привлекать особенно много народу, и донесъ о томъ своему начальству. Чрезъ 4 года губернаторъ получилъ отъ архіерея нужныя ему свѣдѣнія, которыя изложены въ сборникѣ «Столѣтіе Вятской губерніи».

А. Спицынъ.

*) Смотр. Столѣтіе Вят. губ. II, 41ъ.

(Перепечатано изъ „Календаря Вятской губерніи на 1885 г.“).

Печатано по постановленію Статистич. Комитета 15 ноября 1884 г.

Вятка. Губернская Типографія.